

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЗМОЖНО ЛИ ИЗЖИТЬ ЗЛО?

<i>Архиепископ Марк – Павел Демидов</i> Все смыслы доброты персонифицированы прежде всего в Иисусе Христе	3
Двадцать лет света и тепла	6
<i>Владимир Крупин – Павел Демидов</i> Жить, как заповедал Господь	7
<i>Валентин Курбатов</i> Отметки на косяке	10
<i>Лариса Беляева</i> Анкета «Лампады». Скажите, пожалуйста...	12
<i>Марина Нецветаева</i> Две лепты	14

ПРАВОСЛАВИЕ БЕЗ ГРАНИЦ

<i>Вадим Рутковский</i> Как Суворов единоверцев спас	16
---	----

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

<i>Генерал-майор Александр Черкасов</i> Обращение ко всем неравнодушным	19
И плывет над Русью колокольный звон	20

МИР ВОКРУГ НАС

<i>Иван Жук</i> Чудо с подушкой	21
<i>Юлия Антипина</i> Острова нашей памяти	24
<i>Ирина Монахова</i> «Вспыхнет померкнувшее... что освящено Самим Христом»	29

СТРАНА КРАСОК

<i>Ирина Ушакова</i> Поиск смысла жизни и фильмы Андрея Тарковского	32
---	----

СТРАНА СЛОВ

<i>Подготовил Дмитрий Шеваров</i> Жизнь и судьба Арсения Тарковского	36
---	----

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Зам. главного редактора
Лариса Беляева (подписка,
распространение, реклама)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Александра Федорова

Обложка: Тихоно-Задонский мона-
стырь. Фото Вадима Рутковского
Подбор иллюстраций Вадима Лунё-
ва и Александра Мартинеса-Пуэрта

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
8-926-105-1054

www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.
Выход в свет 01.09.2013

Цена свободная

**Издается на добровольные
пожертвования**

Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
город Москва.

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ОАО «Можайский полиграфиче-
ский комбинат»
143200, Московская обл., г. Можайск,
ул. Мира, 93

Контактные телефоны:
(495) 745-84-28;
(49638) 2-06-85

Тираж 1700 экз. Заказ № 0650
© Лампада, 2013

Думается, если попросить вас охарактеризовать время, в которое мы сейчас живем, от многих можно было бы услышать порядком нелестных характеристик. Прежде всего, наверное, в адрес нашего времени прозвучало бы: несправедливое, жестокое, агрессивное, лживое, злое. Что ж, трудно отрицать, тем более что личный опыт каждого мог бы подсказать немало подтверждающих примеров. Но наверняка мы бы услышали и другие слова: время возрастания веры, отзывчивости, добросердечности, бескорыстия. Последние эпитеты, скорее всего, прозвучали бы там, где возносятся к небу колокольные звоны, то есть в церковных оградах или неподалеку от них. И наш личный опыт тоже подтвердил бы справедливость этих характеристик.

Архиепископ Марк

тelleю Управления по заграничным учреждениям Московского Патриархата.

То, что жизнь разнообразна и содержание ее очень и очень противоречиво, – истина, которую и проносить не стоило бы. Но тема номера – ВОЗМОЖНО ЛИ ИЗЖИТЬ ЗЛО? – действительно того требует. В противном случае о каком сопряжении добра и зла можно вести разговор? Если зло, как мы знаем, не самосуцно, значит, оно не может рассматриваться вне контекста добра, независимо от того, избыточно или дефицитом представлено последнее.

С просьбой поделиться мыслями на эту тему главный редактор «Лампады» Павел Демидов обратился к архиепископу Егорьевскому Марку, викарию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, руководи-

Все смыслы доброты персонифицированы прежде всего в Иисусе Христе

– Зло – это паразит, который существует или начинает существовать там, где ощущается дефицит добра, и там, где люди начинают замысливать и делать злое. Но не нужно думать, что зло существует только там, где отсутствует добро. Это было бы очень упрощенно. Нередко добро и зло существуют вместе, в диалектическом противодействии, в состоянии борьбы, и в этом – самое страшное. Знаете, нередко говорят успокаивающе, что ложь сама по себе очевидна, чего, мол, ее опасаться. Если бы это было так, это было бы не столь опасно, тогда легко было бы распознать те же лжеучения. Главная опасность заключается в том, что ложь смешивается с полуправдой, и в этом заключается пагубное воздействие лжи. Люди попадают на этот крючок, а вот это как раз губительно для правды. То же самое можно сказать в отношении добра. Зло часто перемешивается с добром, и в этом такая же опасность, как в смеси лжи с полуправдой. Потому что люди начинают соблазняться, потому что принимают какую-то данность за проявление добра, а на деле

она оборачивается своей противоположностью.

– Сейчас в современном мире зло все больше и больше поднимает голову?

– Трудно сказать. Я бы не взялся утверждать, что зла становится больше, так же как нельзя сказать, что добро вырастает в своей массе. Этот процесс очень динамичный. В одни периоды, при одних обстоятельствах зло, действительно, вырастает многократно, в другое время и в других условиях оно умалывается и добро превалирует над ним. Нередко приходится слышать различные теории сродни делению эпох на Золотой век, Серебряный, Бронзовый... – тогда, мол, в одни времена, было хорошо, а в другие – стало хуже. Часто людям, которые уже прошли определенный этап своей жизни, свойственно идеализировать прошлое, для них это самые дорогие воспоминания, и тогда настоящее представляется им, естественно, в неприглядном свете. Не нужно думать, что сегодняшнее время существенно лучше или существенно хуже времени минувшего. Постоянно идет борьба добра со злом, и эта борь-

ба не будет прекращаться, пока не кончится мир. Мы читаем в Священном Писании слова Спасителя, что в конце времен зло достигнет своего апогея.

– Владыко, можно ли говорить о том, что со временем зло принимает новые формы и что сегодня это особенно очевидно?

– Не думаю, что уместно вести речь о таких уж новых формах. Практически нет ничего принципиально нового в отличии между злом, известным нам из Библии, и злом века нынешнего. Так что все то зло, которое мы видим, не является чем-то новым, все проявления зла, греха существовали и раньше. Двести, и триста, и тысячу, и две тысячи лет назад. Вот, например, сейчас общественное мнение очень возбуждено, а частично и возмущено принятием законов об однополых браках, однополых семьях, об усыновлении ими детей. Но ведь содомский грех существовал и раньше, в Греции, в других местах, он насчитывает не одно тысячелетие. Но есть и отличие содомии XXI века от ветхозаветной. Тогда не было тенденции, доходящей до откровенного стремления ввести эти нравственные

извращения в правовое поле, то есть легализовать их, не было такой агрессивной борьбы за право существовать открыто да еще усыновлять детей.

– **Может быть, впечатление, что зло ширится, приобретает новые формы и иное качество, создается от того, что мы живем в век продвинутых информационных технологий, сама по себе информация очень быстро распространяется и охватывает большие массы людей?**

– Конечно, почти наверняка это именно так. Но существенно и то, что, допустим, те же новости, связанные с темой зла, обеспечивают повышенный интерес со стороны пользователей информации, то есть обычных зрителей, читателей, слушателей, так как привлекают к себе предпочтительное внимание.

– **То, что называется удобополнозванием человека ко греху?**

– В общем, да.

– **А что, с Вашей точки зрения, может наиболее эффективно подвигнуть человека к творению добра? Личный пример? Или воспитание в семье? Или... скажем так, катехизация?**

– Конечно, воспитание имеет значение в первую очередь. Воспитание, особенно с детских лет, – это, наверное, наиболее сильное средство воздействия.

– **Вероятно, имеется в виду все же воспитание личным примером? Мне, например, именно в этом видится фундамент педагогики. Не лекции же читать ребенку на тему «что такое хорошо и что такое плохо».**

– В умных, честных и доходчивых, как вы говорите, лекциях я ничего плохого не вижу. Без них тоже не обойтись. Но прежде всего, конечно, личный пример. Это и есть воспитание. Это самое сильное оружие, которое помогает человеку хранить себя вдали от зла, не соблазняться злом.

Но воспитание может оказаться ненужным, его могут просто проигнорировать, если человек столкнется с тем, что не увидит в своей жизни личных примеров жертвенности, служения ближним, примеров христианской жизни и чистоты. Тогда это воспитание оказывается невостребованным, и человек, вполне возможно, его отринет, и все усилия окажутся пустыми. Такое воспитание вряд ли сможет человека возжечь.

– **Видимо, здесь уместна аналогия, что как вера без дел мертва, так и воспитание без личного примера – бездушная схоластика.**

– Конкретное, реальное наполнение любого посыла – главное условие его жизнеспособности. Та же Истина в христианстве. Она носит не абстрактный характер. Христианские

добродетели не только материализованы – персонифицированы в Иисусе Христе. И прежде всего в Нем воплощен образец смирения. Следование за Христом – это путь истинной жизни, поскольку он и есть путь христианских добродетелей. Стало быть, каждый, кто следует этим путем, следует путем добродетелей, путем добра.

– **То есть они воплощаются в людях?**

– Конечно. Безусловно. И только когда они воплощаются в людях, когда человек видит примеры христианских добродетелей в своих ближних, в окружающих, тогда его сердце утверждает на этом пути добра.

– **Значит, опять-таки личный пример.**

– Но главнейший, определяющий все прочие примеры, – это Сам Спаситель. Любой человек, который хочет следовать, допустим, путем смирения, видит перед собой конкретный, зримый пример, олицетворение этой добродетели – Богочеловека Христа. В противном случае, то есть когда человек не руководится именно этим Светом, все его тщание становится подобно песку, который носится, гонимый ветром в пустыне. Из души человека выветриваются все добрые навыки, содержание и смысл воспитания – все уносится, как не имеющее корня.

– **Понятие доброго человека обычно связывается с образом какой-то мягкости, уступчивости, воспитанности, даже интеллигентности. Но может ли человек – носитель добра быть в то же время жестким и неуступчивым?**

– Слово *добро* многозначно. В нашем, русском языке оно, действительно, связано с образом человека мягкого. Добрый – это по преимуществу мягкий, любвеобильный человек. Но в русском понимании добра не хватает, я бы сказал, онтологичности, проникновения в глубинные пласты его смыслов. В греческом оно звучит более полно, ближе к его исконному смыслу, и в связи с этим нельзя не вспомнить, что существует старинное славянское слово *доброта*. Как вы понимаете, это не вариант *доброты* в нашем привычном понимании. *Доброта* связана пре-

Чаепития с архиепископом Марком – давняя традиция

жде всего с добротностью, то есть с добросовестностью, с ответственностью, с хорошим качеством, с отвечающим своему предназначению.

– **Вероятно, и добротный человек – это тот, кто, как создание Божие, отвечает своему предназначению.**

– Несомненно. Добротность человека предполагает такое состояние, в котором он отвечает своему предназначению внутренней цельностью, чистотой, но что при этом он не мягкотелый, не «добренький». Что самое главное: *доброта*, я бы сказал, это многослойное понятие, включающее в себя и понятие цельности, и понятие красоты, и многое другое.

– **Приходилось ли Вам, Владыко, лично проявлять твердость именно в силу того, чтобы делать добро?**

– Конечно, конечно. Вынужден принимать разные решения, часто непопулярные. Иногда жесткие. Иногда нужно просто пресечь зло, чтобы тем самым дать возможность проявиться добру.

– **Причинно-следственная связь, насколько я понимаю, здесь такая: решение, пресекающее зло, открывает зеленый свет добру. Значит, такое решение уже само по себе есть начало творения добра, и для зла, таким образом, не остается жизненного пространства. Не вообще, конечно, а в данном конкретном случае. При условии, конечно, что есть четкое представление о том, что такое добро.**

– Безусловно. Хотя, конечно, существенно быть добреньким, но ни в коем случае нельзя забывать, что такая, с позволения сказать, «доброта» не будет полезна человеку, в отношении кого она проявляется, потому что это не более чем попустительство. Ибо она развращает, и человек сам фактически навязывает творить зло и искажает свое предназначение.

– **Но от этого, наверное, страдает не только он, но и сам такой «добротворец»?**

– Не только «добротворец», но и окружающие, которые впрямую, возможно, даже не задействованы в ситуации. Все они вынуждены иметь дело либо с искаженными, либо с фальши-

выми представлениями о христианских добродетелях, и это не может не вредить их душам. Поэтому *доброта* нередко предполагает и жесткие решения.

– **Человек до своего падения не был носителем зла, потому что вообще не знал, что это такое. Это очевидно, не так ли?**

– Конечно.

– **Владыко, в вопросе сопряжения добра и зла мне представляется важным и такой аспект. Наша Церковь в последнее время стала подвергаться особенно ожесточенным нападкам. Порой такое творится, особенно в некоторых светских средствах массовой информации, что голова кругом. Что все-таки лежит под этим? То ли Церковь объективно дает больше поводов, то ли это результат дальнейшей секуляризации общества, хотя, казалось бы, дальше некуда?**

– И то, и другое. Еще, по историческим меркам, совсем недавно идейным противником Церкви была коммунистическая идеология, которая считала одной из своих главных задач борьбу с нею. Это было для нас главным злом. Но старое уходит – приходит новое, то, что мы видим на Западе. Фактически это реформы жизни, но они мало чем отличаются от прежнего отношения к Церкви, просто отрицание религии у них теперь в более изощренной упаковке. Церкви отводится очень скромное место. Из сферы служения ее стремятся превратить в сферу обслуживания. Вера не является самостоятельной ценностью, это просто обслуживание членов клуба по интересам. Поэтому изобретенные Западом новые либеральные ценности еще более агрессивны по отношению к Церкви.

Но есть, есть основания упрекнуть и себя. Мы сами мало говорим о тысячах священников и тысячах мирян, которые живут христианской жизнью, трудятся и заботятся о больных, помогают малоимущим. Это кропотливая, малозаметная работа. А когда кто-нибудь из священников совершил дорожно-транспортное происшествие, что, безусловно, плохо, об этом становится известно сразу и мгновенно.

Иницируется активное обсуждение, и все расходится как круги по воде. А пропаганда сознательно готовит почву для того, чтобы такие случаи воспринимались определенным образом. И легко выносятся подготовленное трафаретное решение: «Священники, а вот они такие!». Задача – создать отрицательный образ священника – выполнена. Обывателю становится легче, он успокаивается: зачем трудиться, зачем ходить в Церковь, зачем стараться меняться к лучшему, если сами пастыри такие? Если это и приносит облегчение обывательскому миру, то лишь временное. Можно оставаться таким, каков ты есть, но утишить совесть все равно чем-то надо, ведь душа, христианка по своей природе, мятется и не успокоится, пока человек не найдет себя, то есть свое место у Бога.

– **Наверное, есть и определенный объективный фактор: стало больше храмов, требуется больше священников. Невозможно найти всех абсолютно подготовленных к служению.**

– В том числе, конечно, и это.

– **И последний вопрос. Скоро юбилей нашего журнала. Скажите несколько слов нашим читателям.**

– С интересом читаю журнал много лет, правда, не могу сказать, что регулярно. Хотел бы пожелать вам новых творческих успехов и чтобы журнал завоевывал все новую читательскую аудиторию. Это самое главное.

– **Благодарю, Владыко.**

– Храни вас Бог.

СКРЕПЫ

Вера состоит не в том только, чтобы креститься во Христа, но чтобы и заповеди Его исполнять. Святое крещение совершенно и подает нам совершенство, но не делает совершенным не исполняющего заповедей.

Преподобный
Марк Подвижник

ЛАМПАДА

двадцать лет света и тепла

Дорогие наши читатели!

Мы вступаем в третье десятилетие своего существования. И, как всегда, в подобных ситуациях хочется окинуть взглядом пройденный путь, разобраться, что в нем было правильного, а что – нет, и таким образом представить свою будущую дорогу. Наш единственный и неподкупный советчик в этом – вы, наши дорогие читатели «Лампады». Судя по тому, что журнал наш, пусть медленно, но все же прибавляет, а не теряет читателей, можно сделать вывод, что все, что делаем, мы де-

лаем не так уж неправильно. Но это общая оценка, которая отражает и общую тенденцию. Нам же очень важны детали, частности, конкретные плюсы и минусы нашей работы. Вот мы и обращаемся к вам с просьбой ответить на несколько вопросов, касающихся журнала. В следующем, шестом номере мы опубликовали бы ваши ответы и, таким образом, получили бы своего рода «словесный портрет» нашего журнала, составленный его читателями.

1. Как давно Вы читаете «Лампаду»?
2. Вы читаете журнал регулярно или время от времени?
3. Вы подписчик «Лампады» или покупаете ее в розничной продаже, где?
4. Изменился ли журнал за последние годы? В какую сторону?
5. Нравится ли Вам существующая конструкция журнала? Стоит ли в ней что-нибудь менять?
6. Будь у Вас такая возможность, что Вы добавили бы в журнал или убрали из него?
7. Можете ли Вы назвать пять (или больше) тем, которые Вы хотели бы увидеть на страницах «Лампады»?

8. Есть ли в журнале то, что Вас раздражает или вызывает досаду?
9. Можете ли Вы назвать несколько материалов или авторов, которые Вам особенно запомнились?
10. Что Вы считаете несомненной удачей журнала или, наоборот, неудачей?
11. Знакомы ли Вам другие православные издания? Можете ли Вы сравнить их с «Лампадой»?
12. Помогала хоть сколько-нибудь «Лампада» Вашему движению к Господу? Если да, в чем это выражалось?
13. Если хотите, расскажите немного о себе: возраст, образование, род занятий, увлечения, где живете (город, село)?

Ответы лучше всего прислать электронной почтой: pdemidov30@gmail.com

Можно и обычной почтой: 125475, Москва, а/я 12, П.П. Демидову (но имейте в виду, что письма могут идти долго, а нам нужно получить ответы не позднее 1–5 октября).

Мы очень ждем ваших откликов. Поверьте, они нам очень важны. Храни вас Господь!

Жить, как заповедал Господь

Это уже традиция в «Лампаде»: редакция непременно приглашает к беседе о главной теме номера священнослужителя или мирянина. Так, собственно, предполагалось и на этот раз, при встрече с литератором Владимиром Крупиным. Он известен как православный писатель, автор многих книг (повести, рассказы, публицистика). Когда была учреждена Патриаршая литературная премия, Крупин стал ее первым лауреатом (2011 год).

В начале я сказал о традиции, сложившейся в журнале, а вот беседа с Крупиным, похоже, пошла с нею вразрез.

– Ты спрашиваешь: возможно ли изжить зло? Видимо, невозможно. По крайней мере, одними человеческими силами, без помощи Божией. А с Его помощью все возможно. Дьявол не отступит от нас до последнего издыхания. Даже когда до могилы останется несколько шагов, он все равно будет искушать. Чтобы перед уходом мы вспомнили какие-то прежние обиды и неприятности, чтобы стали роптать, чтобы нас покинуло смирение. С Божией помощью нужно, по крайней мере, не участвовать в делах зла. Обратившись к Богу, ощущаешь, что работаешь на добро.

– **Очень важные слова: не участвовать в делах зла. Действительно, не участвуя в зле, ты тем самым обрекаешь зло на гибель. Ведь оно не может существовать, не сидя в человеке.**

– Совершенно верно. Например, истерическая женщина. Ей нужна аудитория, зритель или соучастник, без них она не может. Если отойти от нее, вся ее истерика лишается смысла. Но, с другой стороны, если я и отошел от зла, это не значит, что оно исчезло. Человек, от которого ты отошел, начинает вредить твоим родным, близким... Мы молимся, причащаемся. Мы становимся неуязвимы для сил зла. Тогда лукавый действует на наших родных, близ-

Писатель не столько отвечает на мои вопросы, сколько высказывается по самому широкому кругу тем, порой не имеющих отношения к предмету нашего разговора, но так или иначе отражающих его точку зрения, содержащих его взгляд на мир и на отношение к нему.

Было бы неправильно, считаю я, не опубликовать высказывания, которые не касаются основного предмета. Наша беседа – это не просто чередование вопросов и ответов, но своего рода очерк о человеке, где присутствуют и совместный диалог, и монологи героя.

Павел Демидов

Предстоятель Русской Православной Церкви вручает Патриаршую премию первому лауреату

ких. И это, конечно, тяжелейшее испытание. Главное страдание в этой жизни, мне так говорили монахи на Афоне, в других монастырях, сознавать, что кто-то близкий страдает за тебя. Если я за себя страдаю, я заслужил это. И я обязан перестрадать. А когда страдают родные и близкие, я молюсь, а ничего не получается. И остается уповать только на помощь Божию.

– Ты сказал о помощи Божией. Слов нет, это, безусловно, важно, без нее никуда. Но это все-таки помощь. А главный субъект действия – сам человек. Правда же? Если не будет человека действующего, тогда и помогать некому и не в чем. Ведь человек ничего не делает.

– Конечно. Господь начинает помогать тогда, когда видит шаги навстречу Ему. Если же человек не делает этих шагов, то есть идет в сторону греха,

как ему помогать? А если ты взываешь к Нему из глубины души, помощь обязательно придет. Она может прийти не сразу, этим Господь управляет. Например, я очень хочу, чтобы сын и невестка обвенчались. Я страдаю от этого. Господь попускает мне усиленные молитвы. Чтобы это было полезно не только им, но и мне. Господь не спешит отозваться на наши молитвы. Потому что искушение нам полезно. Господь долго терпит, да больно

бьет. Вот есть притча: приехал сынок из города. Весь такой модный, гордый. А здесь навоз и все такое... И наступил на грабли. Они его по лбу и ударили. Он: «Какой дурак поставил сюда грабли?!». Как его по лбу треснуло, так сразу вспомнил. Если человек упоен своими жизненными успехами, это не значит, что так всегда будет. Вообще постичь Православие можно только тогда, когда начнешь понимать, что у Господа смерти нет. Истина очень проста: последнее мгновение земной жизни есть начало иной жизни. И тогда становится, во-первых, легче жить и легче понимать, что надо к будущей жизни приготовиться. Земная жизнь – это спичка. А вечная жизнь – это солнышко сияет. Так ты будешь работать для этой спички или для солнечного света? Тело-то все равно сгниет. Будь ты хоть президент, хоть дворник. А ты

будешь душой своей или мучиться, или радоваться. Когда человек это понимает, он начинает думать. Сейчас нет людей, духовно не пораженных. Духовно пораженные – это явно психически нездоровые люди. А духовно пораженные – это и осуждение, и небрежение, отсутствие жертвенности, подсиживание, зависть, корысть, скаредничество, сребролюбие, гордыня...

– Ты считаешь, духовное поражение только у православных или вообще у всех людей?

– Ну что мы будем за весь мир переживать? Это уж больно глобально ты замахваешься. Это – как пожар революции. Мировой революции, не меньше. «Мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем. Господи, благослови!». Была когда-то такая частушка. Лучшее уж по батюшке Серафиму: спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи. Батюшка Амвросий как говорил? Знай себя, и будет с тебя. У святых отцов говорится: мы замечаем в людях те недостатки, которые есть в нас самих. Грязь не в том, чтобы о ней не знать, а в том, чтобы не запачкаться. Это часто Ушинский повторял. Надо спасти себя. Это – прежде всего. И это не эгоизм совсем.

– Я как раз хотел спросить: не эгоизм ли это?

– Ни в коем случае! У меня брат попал на операцию. У него до этого удалили грыжу. А он такой трудяга, такой отзывчивый человек... Женщина на остановке упала. Он подхватил ее, стал поднимать, а она тяжелая. Ему никак нельзя большой вес поднимать, а он кинулся... Вот повторно и попал к хирургу. А как старое шивать? Все сложно.

– Повредив себе, он сделал шаг к своему спасению. А если бы стал беречь себя? Интересный поворот. Прямо притча какая-то!

– Он не утерпел. Он забыл в эту минуту, что ему нужно беречься. А кто она ему, эта женщина?

– Удивительно. Нет, прекрасно!

– Я думаю, Господь ему поможет с этой операцией. Конечно, хочется спасти всех, но спасать надо себя. Ведь есть же корабль спасения. И на этот корабль спасения никому не возбраняется подняться. Наоборот, даже бросают с него спасательные круги. Но надо желать подняться на корабль.

– Ведь Господь говорит, что «без Меня не можете творить ничего». Но с другой стороны, без нас Он тоже

ничего не может сделать. Бог спасает нас не без нас.

– И потом еще... Малое стадо. Об этом Господь тоже часто говорит. Вот Голгофа. Стадо-то малое. Всего одиннадцать человек. Иуда отшатнулся. Или хлебы насыщения. Также было много людей, которые ждали, что Он их насытит. И тоже было много отпадения. Или кричали «Осанна! Осанна!», а потом «Распи, распни Его!». Но малое стадо, в Него вошедшее, в Нем и спасалось. Их перепиливали, отрезали пальцы, сжигали, но они же спасали свою вечную жизнь. Они приходили к Господу. Они обрели главное счастье – вечной жизни. Но малое стадо есть малое стадо, и в него надо попасть. Православие – очень радостная вера. Радостная, светлая. Самая жизнеутверждающая вера. Но вместе с тем усилия нужно прилагать. Не зря же сказано, что Царство Божие нудится.

– Православие – вера, как ты говоришь, радостная. Это так. Но и строгая вера, не разгильдяйская.

– Конечно, не разгильдяйская. Вместе с тем она очень милосердная. Один Бог без греха. Идешь на исповедь – конечно, стыдно признаваться в своих грехах. Проходишь через стыд, как сквозь строй. Особенно, когда человек в годах, когда путь воцерковления давний, долгий. Анекдотиками забавлялся, лишнюю рюмку пропустил... А что делать? – говорить надо. Зато когда батюшка снимет с тебя епитрахиль, ты словно заново родился. А так, собственно, оно и есть. Разрешены все грехи. После этого легче не грешить. И вот это тоже должно нас утешать. Дьявол сейчас, мне кажется, это гигантская электронная машина, которая все про нас знает: кого и чем прельстить, кого там наградами, орденами, деньгами, женщинами, играми. Огромное количество обольщений. Как, скажем, раньше – приезжает из области начальник или проверяющий – уже все про него знают: рыбалку любит. А другой – в баньке париться, а этот поглядывает в сторону женского пола. Это искусство втирания очков доведено до совершенства. И так не только у нас, в России, – во всем мире. Это вообще присуще человеку. Комфортность, я, слава Богу, долгое время этого страшного слова не знал, она очень многих сгубила.

– Ты произнес интересную фразу: дьявол представляется тебе гигантской электронной машиной, кото-

рая обо всех все знает. Сейчас очень много шума из-за того, что все друг за другом подсматривают, подглядывают. Не знаю, как ты, но я очень спокойно отношусь к тому, что, допустим, кто-то залезет в мой компьютер. Да лезьте, куда хотите!

– Точно так же и я думаю!

– Мне кажется, в людях больше говорит не страх, что кто-то что-то узнает, а гордыня: как это так – вы будете меня проверять?! Да пусть проверяют!

– Другое дело, когда речь идет о государственных секретах, о национальной безопасности, о терроризме. А про меня – что вы можете узнать? Никаких гигантских накоплений, никаких тайных счетов, Ни дорогой недвижимости здесь или за границей. От налогов не уклоняюсь. Чего мне бояться? Нечего!

– Отсутствие страха я бы назвал показателем духовного состояния человека. Боятся он или не боится?

– А когда человек боязливый, страшливый, с ним что угодно сделать можно. Все силовые структуры на страхе построены: запугать, подавить, и тогда со всем согласится, все подпишет.

– У меня такое ощущение, что свод законов создается очень неглупыми людьми. Потому что выстроен таким образом, что любой человек, делающий какое-то дело, принимающий решения, что-то в этих законах неизбежно нарушает. А это значит, что его при желании всегда можно прищучить.

– Был бы человек – статья найдется. Это правило, к сожалению, не устарело. Все это ужасно осознавать. А что касается юристов, я хотел вот что сказать. Были софисты в античности, которые доказывали, что черное – это белое... В средневековье их сменили схоласты, которые то же доказывали. Юристы – это одновременно и схоласты, и софисты, только еще более изощрены. Выступает какой-нибудь юрист, у него на лице написаны все пороки. Они все делают только для своей пользы, для своей выгоды. Закон – что дышло: куда повернул, туда и вышло. Где конституция, там бесправие. Где демократия, там уже назревает фашизм. Поэтому мы все время должны быть на страже своей души. Не вляпываться, не участвовать в делах тьмы. Пусть у меня на столе будет не булка с маслом, а хлеб ржаной – ничего страшного. Как монахи живут 120–130 годков? Хлебушек и водичка. Когда

Матронушке говорили, что вот, мол, без знака антихриста не будут давать ничего, она отвечала: а вы возьмите земельки, и она будет вам как хлеб. Тем более бояться нечего. То, что мы – православные, это величайшее счастье. Православие – это религия, которая воспитывала своих чад в духе уважения к другим людям. Я уважаю чувства мусульманина, буддиста. Но Христос – живой Бог, пришедший на землю, и Он будет судить.

– **Каждый человек, будь он протестант или кто еще, все равно несет в себе образ Божий.**

– Конечно.

– **Все равно в нем лежит Христова суть.**

– Конечно.

– **Он может это не осознавать, может не соглашаться, но от этого факт не перестает быть фактом. Он все равно Христов. И никуда он от этого не денется. Никуда. Раз он появился на свет, он – Христов.**

– Более того. Даже психические, душевнобольные, они умирают в полном сознании. Я когда-то написал повесть «Как только, так сразу», о название переводчики запнулись, многие больные хотят покаяться, зовут священника для причастия. Душа-то у всех людей христианская.

– **Практически во всех мировых религиях очень много от Православия. А иначе и не могло быть. Ветви идут от ствола, от религии, которую дал людям Бог.**

– Если бы это все понимали!.. Буддисты, синтоисты, фундаменталисты... Что такое шииты и сунниты? Они же враждуют. А тут появляются ваххабиты. Я говорил с муфтием Талгатом Таджуддином, умнейший же человек, он говорит, мы сами от них страдаем. Вот такая-то сура, в ней прямо запрещено кого-то насильно приводить к вере. Когда слышишь, как нашего солдата Родионова убили за то, что он не хотел предать Христа, понимаешь, что это сделали последователи не того мусульманства, которое было заложено в учениях пророков. Или вот, например, катакомбники. Мы уже соединились, слава Тебе, Господи, и с ними, и с зарубежной церковью. Теперь вот домашняя наша боль – старообрядцы. Есть такое слово – упертость. Я же очень страдаю, я сам из вятских мест, у меня много старообрядцев среди земляков. Мы крепко дружили. Прихожу в храм на Рогожку. Подаю записки. Вы кого

тут написали? – спрашивают меня. Говорю: вот это православные, это старообрядцы. «Мы за сергианцев записки не принимаем». Эта женщина за ящиком много на себя берет. У старообрядцев очень мудрый митрополит Корнилий, и он тоже страдает от этих нестроений. Однажды появилась в печати фотография: старообрядческого митрополита приветствовал Святейший Патриарх Алексий. Такая была волна среди старообрядцев: как это он мог?! Это же горе горькое. Ну что такого, что они идут с паперти направо, а мы налево? Двоеперстие, троеперстие... А когда-то вообще одним пальцем крестились – и ничего. Ведь стали креститься тремя после ереси Ария, чтобы отличаться. А сакрального смысла тут никакого нет. Главное – осенение крестом. Очень это горько, тем более что они сами по себе люди порядочные, крепкие в вере.

– **Они сами разрушают ореол, который был вокруг них всегда. Старообрядцы – это символ чистоты.**

– У нас в церквях уже поминавание старообрядцев, а вот они как-то зациклились. Вот как враг спасения умеет всевать плевелы вражды. Есть великое выражение, оно очень сюда подходит: «Враг силен, да воли нет». Человек по натуре своей удобопоползновенен ко греху. Потому что грешить во сто раз интереснее, выпивка, у реки костерок, это очень душевное дело. Но когда начинается борьба за душу, тогда уже появляются слова: воздержание, терпение, смирение, жертвенность. Это труднее. Но когда преодолеваешь соблазн, потом испытываешь радость.

– **Как во время поста. Когда пост кончается, чувствуешь даже сожаление. Хоть какой-то, но подвиг, а сейчас наступят будни. Во время поста – как удобно: одно блюдо на неделю сделаешь, и никаких проблем.**

– Этот мир комфорта, мы все катимся в него так успешно, а колеса так смазаны хорошо, никакого сопротивления. Только торкни – и покатило... Когда поддаешься соблазну, потом награждаешься и печалью, переживаешь, зачем я это сделал. Кто меня дернул.

– **А этому же нет предела. Пресыщаешься на одном уровне, и тебя уже тянет на другой. Все эти, кто ездит на крышах электричек, прыгает с мостов, все это следствие неуправляемой тяги к остроте ощущений.**

– Деньги – это как наркотики. Богатство, слава – как наркотики. Надо до-

бавлять и добавлять. Так же и ощущения. У меня был знакомый. Лет десять не виделись, встретились, а это другой человек, другое лицо. Банкир. Болтовня была, что у нас будут только богатые, не будет бедных. Это же все вранье. Для чего Одиссей залепил своим матросам уши воском? Чтобы не слышали сирен. Нам бы почаще об этом вспоминать.

– **Очень важно, мне кажется, знать, что такое есть зло. В чем оно. Потому что в первом приближении злом считают: убил, придавил, избил, удавил, набил морду, украл... Но ведь зло многолико.**

– О-о! Но это все – следствие. А начало... Ребро Адама, кость упряма. Я занимался изучением этой системы. У меня даже рассказ есть об этом. В основе всех преступлений – на семьдесят процентов девушки, женщины. А как они подползают... Одна хотела подруге насолить. Ах, ты вышла замуж за Петю – не волнуйся, подруга, я тебе устрою. И устроила. Увела Петю. Или: одному парню подмигнула, потом другому. Те разодрались. Оба в тюрьме сидят, а она с третьим гуляет. А началось красиво, правда же? Наряды, прогулки... А что делает телевидение!.. Лучший телевизор – это невключенный телевизор. У меня было интервью в газете «Московская среда». Нормальное интервью. Они долго его не давали. Там была фраза, что я стал писателем, потому что вырос без телевизора, увидел его в первый раз в армии в девятнадцать лет. Они хотели убрать это место, я не согласился. А в самом деле: не было телевизора – и читали. И кого? Не Маринину же! Читали Пушкина, Достоевского, Гончарова, Шолохова, великих поэтов наших. А это наполняло и наш разум, и рассудок, душу, духовный наш мир. Большая закалка у моего поколения. Страшно за тех, кто идет за нами.

– **Что же ты им посоветуешь?**

– От каждого, от него, от тебя конкретно зависит, будет зло в нашей жизни или нет. И важно всегда знать, что впереди сияние Фаворского света, всегда впереди Елеонское Вознесение Господне, всегда впереди Иорданская купель. Какое право мы имеем отчаиваться? Как это может не радовать, если мы – Божьи дети? Если каждый из нас самый любимый Его сын? Дай Бог, чтобы в минуты испытаний, скорби эта мысль приходила к нам и спасала нас. Зло в мировом смысле уничтожить не по силам. Но для родных, близких по силам вполне.

Отметки на косяке

Правда и ложь, добро и зло. Во все ли времена, при всех ли обстоятельствах эти понятия наполнены неизменным содержанием?

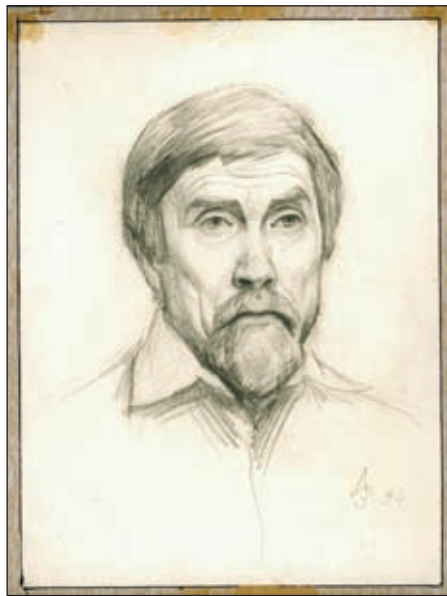
А человек? Всегда ли он несет в себе эти понятия неизменными? Что

«Не надо заводить архивов, над рукописями трястись», – уверял Пастернак. Для честолюбия-то, может, и не надо, а вот для того, чтобы видеть свою судьбу в истории и взаимное отражение этих судьбы и истории в человеке, ничего лучше архивов нет. Как карандашные отметки на дверном косяке, они со строгой улыбкой отмечают наш рост. Беда только, что, вырастая, мы или оставляем дом вместе с отметками, выбирая «пластиковые двери нового поколения», либо, стесняясь домашней истории, стесываем эти воспоминания, чтобы не конфузиться перед общественным мнением своей доверчиво открытой частной жизнью.

Кто из нас, бывало, не ловил себя на предательстве своего мнения перед наступательной силой общего. Как-то ведь оно сложилось, это понятие, – «подавляющее большинство». Кого и что подавляющее? А вот как раз твое бедное личное мнение, зарубки твоего роста, чтобы ты сразу стал одного роста со всеми.

А задумался я об этом, когда получил из родного уральского Чусового копии заметок, статей и очерков Виктора Петровича Астафьева (мы были в 50-е годы чусовскими земляками) из газеты «Чусовской рабочий», где Виктор Петрович в эти 50-е годы работал. Я заглядывал в эти заметки в начале перестройки, когда готовил предисловие ко второму собранию астафьевских сочинений в «Молодой гвардии», да уж с той поры позабыл. Да и читал тогда, еще не предчувствуя, куда пойдет страна и наше общее миропонимание. И вот сейчас каждая строка казалась незнакомой, и мысль пошла в неожиданную сторону, и выправлять ее не захотелось.

Проще всего было бы по нынешней сатирической в отношении прошлого моде поиронизировать, что вот и Вик-

Автор портрета – архимандрит Зинов

тор Петрович, которого мы знали по публицистике последних лет непримиримым противником советской власти и всего, связанного с нею, оказывается, в 50-е годы тоже «дудел в общую дуду». Тут хоть все подряд выписывай:

«Такому народу, как койвинцы, все по плечу. Недаром этот дружный спаянный коллектив обогнал в соревновании двух соседей...».

«Борьба с начетничеством и формализмом в партийном просвещении – это борьба за действенность партийной пропаганды...».

«Мать всплакнула и все пыталась высказать кому-нибудь из работников санатория благодарность за сына. Володя взволнованно сказал ей: «Партию надо благодарить, мама. Она нас из могилы вытаскивает. Как только поднимусь, а я обязательно поднимусь, всю свою жизнь отдам нашим людям и партии...».

И названия статей все под стать – «Победы не приходят сразу», «Глубокие пласты», «В дорогу дальнюю», «Больше боевитости»...

Как не посмеяться? Только доблести в такой иронии будет немного. Потому что за его плечами к той поре, как он писал это, будет уже и рассказ «Гражданский человек» такой человеческой отваги, что партийное начальство даже остановит его публикацию. И позднее, когда он уже станет сотруд-

происходит с ним по мере взросления, что подсказывает ему копящаяся с годами житейская мудрость?

Мы обратились к известному писателю и литературному критику Валентину Курбатову. Вот что он прислал в «Лампаду».

ником газеты, в том же «Чусовском рабочем» читателей будут останавливать его невеселые фельетоны о человеческой глупости и резкое неприятие лжи. И можно и по этим публикациям увидеть, как в соседстве с «боевитостью» растет его душа и прячется зрение.

А мысль-то моя про другое. Не хочется мне после этих, даже и совсем нынче смешных заметок, разделять его стыд, когда он пишет в последние годы одному из своих пермских друзей: «В газете “Чусовской рабочий”, оскверняя родное слово, я прославлял любимых вождей и неутомимых советских тружеников...». Он бы действительно «осквернял родное слово», если бы сознательно лгал – писал одно, а думал другое, если бы уже тогда видел то, что увидел позднее, в пору когда «беззаконие и закон разорвали дамбу, воссоединились и хлынули единой волной на ошеломленных людей». А только в том-то и дело, что зрение у него в тот час было другое – общее было зрение. И совесть его была чиста. И газета была не последняя, и в другом письме он гордился, что они умели тогда сказать много живого и искреннего, и дивился, как чусовскому редактору Пепеляеву хватало ума «вывертываться из чужого».

Рассердится он потом и наговорит много такого, что и близкие ему люди каменно замолчат. Дослушай-ка до конца то, что я однажды слышал, когда Алтайское телевидение снимало передачу о нем, и я подумал, что ослышался, что мало ли что срыву скажешь, когда разозлят. А теперь вот по его письму той поры А.Ф. Гремицкой вижу, что нет, не срыву и не в запале он сказал, а раньше подумал: «Повторись война, я нынче ни за что не пошел бы на фронт, чтобы спасти фашизм, только назад красной пуговкой...». Вот как – воевать в Отечественную, значит,

«спасать фашизм»! Не с того ли и разгорелся потом такой желанный врагам России и так жарко ими поддержанный разговор о «русском фашизме». И можно было бы раскричаться и обвинить его Бог знает в чем, если бы я не видел, какой ценой он заплатил за этот «срыв» – живого места не теле не было после несчетных ранений, с которыми он прошел эту войну в орденах и медалях. А вот поди ты! Значит, слух наш еще не готов, чтобы услышать все стороны правды, но, значит, это еще и то, что и нам не надо торопиться сдавать и нашу сторону правды.

Или в другом месте каково слышать о наших отцах в тех же пятидесятых – шестидесятых годах, о которых он так «красиво» писал в «Чусовском рабочем», что при позднем размышлении ему открылось, что «работали плохо, получали мало, жили одним днем, при всеобщем образовании, в том числе и высшем, остались полуграмотной страной. Зато много спали, пили беспробудно, воровали безоглядно. И этому в полусне пребывающему, ко всему, кроме выпивки, безразличному народу, предложили строить демократическое государство...». Это тогда-то «воровали безоглядно»? Это тогда были ко всему безразличны? Не доглядел Виктор Петрович мира до сегодняшних дней – до настоящего безразличия и до настоящего воровства, Бог его берег.

Это я не задним числом так храбр, что вот корю Виктора Петровича. Я и тогда писал ему о своих сомнениях, и мы тяжело расходились. Да не я один. Теперь по книге его писем «Нет мне ответа» вижу, что и Игорь Дедков писал, и, вероятно, и тот пермский корреспондент, которому он писал об «осквернении родного языка» в «Чусовском рабочем», потому что, продолжая письмо, Виктор Петрович пишет: «А ты говоришь – злой! От страдания злой, от жизни окружающей, а притворяться не умею и не хочу. Каков есть, вернее, каким стал, таким прошу и жаловать, а любить у нас никто никого не любит».

Очень тут важно – «каким стал», потому что подлинно прежде не был, и, пока писал, героев своих любил, и именно так, как писал, о них и думал.

И вот дальше там в письме и сказало то, что побудило меня к этой заметке. Он вспоминает свой первый на-

писанный в Перми роман «Тают снега» и говорит, словно извиняясь за него: «я тогда был сентиментальный, добрый и веселый человек, но это от неразвитости, от всеобщей слепоты и глухоты».

Вот как! – «от неразвитости сентиментален, весел и добр». А как, значит, разовьется, то станет зол и мрачен. И мы знали в нем эти минуты, слышали ожесточенное, забывающее свет сердце во второй части «Последнего поклона», в «Печальном детективе», в «Людочке», в «Проклятых и убитых». Но знали и то, что, как великий художник, он чувствовал разрушительность зла и сам не любил эти страницы, сердито защищая их, как защищают некрасивых детей. Не любил в себе эту, как он писал «переродившуюся с возрастом из детдомовского юмора, к сожалению, злую иронию», потому что опыт лучшей литературы, в том числе и его собственный опыт, научил его, что «что-то путнее создать на земле возможно только с добром в сердце, ибо зло разрушительно и бесплодно».

И вот, перебирая сейчас потемневшие заметки «Чусовского рабочего» с его подписью, я думаю, какой ценой дается нам взросление мысли. Как мы по-русски раскидисто корим себя за то, в чем не были виноваты, как не бывают виноваты доверчивые дети, верящие в правоту взрослого мира. А это был только нормальный рост, зарубка на косяке, и там, в той сентиментальности, веселье и доброте, он выиграл войну, а не «защитил фашизм назад красной пуговкой», сложил высокое сердце, благодаря которому стал тем писателем, который вырастил и наше сердце. Значит, и там были не одни «слепота и глухота», «неразвитость» и «осквернение языка», а и свет жизни, побеждающей неправду. И его «койвинцы», рвущиеся на целину девушки и верящие в партию юноши его очерков и чусовских рассказов, были так же естественны, как жулики, бездельники и лжецы его фельетонов, – были растущая, прямящаяся, преодолевающая себя жизнь. Когда-то В.Б. Шкловский замечательно говорил, приглядываясь к технологии добычи золота, что надо сто пудов породы, чтобы намыть два золотника: «Время нас моет. В нас самих сто пудов чепухи, ошибок, быта, ссор, непонимания друг друга. Все это

дым, но два драгоценных золотника надо сохранить в себе. Право времени нас просеивать и делать из нас одно слово в своей песне». Скажем от себя, что и наше право просеивать время и не проклинать «породу», без которой не будет ни двух золотников, ни одной песни.

А то еще вот из Василия Розанова: «Есть несвоевременные слова. К ним относятся Новиков и Радищев. Они говорили правду и высокую человеческую правду. Однако, если бы эта “правда” расплзлась в десятках, сотнях и тысячах листов, брошюр, книжек, доползла бы до Пензы, до Тамбова, Тулы, обняла бы Москву и Петербург, то пензенцы и туляки, смоляне и псковичи не имели бы духа отразить Наполеона... Тут и остановлюсь, потому что уже ясно, что каждая книжка теперь будет об этом».

Дверные косяки не надо ломать с перестройками и менять с евроремонтом рыночных реформ, а только видеть, как поднимаются отметки, и не останавливаться и не ожесточать сердца, потому что добро созидательно, а зло разрушительно и бесплодно не только в творчестве, а и в самой жизни.

...Не потому ли, когда мне по послушанию приходится читать в храме «Апостол», когда выпадает в годовом круге «К римлянам апостола Павла чтение», я непременно на минуту словно останавливаюсь на словах «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (7:19), и Виктор Петрович неслышно встает за моей спиной, и мы стоим в храме вместе. И дверные косяки очищаются для новых, Бог даст, теперь уже, как в старинном детстве, естественно возрастающих отметок.

СКРЕПЫ

*Всегда надейтесь
только на Бога, но
никак не на человека.
Тогда всякое зло будет
отпадать от вас, как
отрубленная ветка.*

*Преподобный
Варсонофий Оптинский*

Скажите, пожалуйста...

 <p><i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i></p>	<p><i>Протоиерей Владимир Гонтар, 82 года, настоятель храма иконы Божией Матери «Казанская» в Коломенском</i></p>	<p><i>Анна Александрова, 24 года, торговый менеджер</i></p>	<p><i>Дмитрий Николаевич Павлов, пенсионер</i></p>
<p>Почему в нашей жизни становится все больше зла (или добра)?</p>	<p>Если бы не было зависти и люди любили друг друга, то было бы больше добра. Люди, верующие в Бога, знают, как поступать по заповедям. Они добро делают.</p>	<p>Зла становится больше. Наверное, потому что люди переводят все в материальные ценности, все измеряется деньгами, воспитания нет.</p>	<p>Зло сейчас преобладает, потому что людей богатых становится сейчас много, среднего класса мало, бедных очень много, и из этого рождается зависть... И вот начинается зависть и злоба.</p>
<p>Что, по-вашему, входит в понятие добра?</p>	<p>Что такое совесть? Голос Божий. Когда человек прислушается к голосу совести и поймет, что такое добро, – он его сделает. Злобный человек никогда добра не сделает.</p>	<p>Синоним слова «добро» – это честность, и отсюда все вытекает. Если человек правдив со всеми, то люди будут лучше относиться к нему.</p>	<p>В понятие добра входит не делать зло.</p>
<p>Меняется ли со временем содержание понятия добра и зла?</p>	<p>Нет, не меняется. Святая Церковь призывает всех к добру. Слушают Церковь, слушают и голос Божий. Если послушаются голоса совести, то да, будут изменяться в своем сердце от зла к добру.</p>	<p>Меняется. Чем дальше, тем хуже, причем добра становится меньше, понятие добра искажается, а зло становится злее, еще жестче.</p>	<p>Понятия добра и зла уже меняются в обществе, потому что люди, имеющие болезненные проявления человеческой природы, считают, что это уже не болезнь, а нормально.</p>
<p>Если бы люди жили по евангельским заповедям, исчезло бы в мире зло?</p>	<p>Конечно, исчезло бы.</p>	<p>Мне кажется, если случится чудо и люди станут жить по заповедям, в мире все равно не исчезнет зло. Все равно какие-то противоречия останутся.</p>	<p>Зло не исчезло бы, потому что его творят часто люди психически ненормальные. Учи его Евангелию – не учи, а он все равно сделает злое, сам, может быть, не понимая, что творит.</p>
<p>Согласны ли вы с тем, что зло – это всего лишь отсутствие добра? То есть где есть добро, там не может быть зла?</p>	<p>Есть добро – значит, не будет зла.</p>	<p>Нет, я так не считаю. Злой человек тоже любит кого-то в своей жизни. Не обязательно зло – это отсутствие добра, они могут быть вместе.</p>	<p>В основном становится больше зла, но добро, как правило, его побеждает. Где много добра и появляется зло, ему дают отпор, но зло всегда может появиться там, где его и не было.</p>
<p>Как лучше всего можно научить человека добру?</p>	<p>Люди рождаются и смотрят, как себя ведут родители, и поступают по родительским стопам. Отсюда же вырабатывается желание творить добро или зло. Слушайте голос совести.</p>	<p>Самое важное – воспитание с детства. Хотя бывают хорошие родители, а с ребенком что-то не так, а бывает – неблагополучная семья, а ребенок стремится к лучшему, совершает хорошие поступки.</p>	<p>Это надо начинать с пеленок. Научить человека быть честным и благородным, у кого есть понятие о чести, на плохой поступок спровоцировать крайне сложно.</p>

<p><i>Анна, 33 года, юрист</i></p>	<p><i>Александр, 33 года, фотограф</i></p>	<p><i>Олеся Александровна Белусова, 28 лет, бухгалтер</i></p>	<p><i>Алексей Кузнецов, 25 лет, слесарь</i></p>
			
<p>Во всем духовные причины, я считаю. Сейчас зла становится много. Когда человек обращается ко Господу, он видит добро и старается его делать, но если он не чувствует Бога – это признак, что отошел от Него.</p>	<p>Мне кажется, становится все больше зла, потому что люди все больше стремятся к свободе, но не умеют ею пользоваться. Часто все перерастает в анархию, и в связи с этим зло увеличивается.</p>	<p>Потому что вся жизнь материальна, чем больше денег, тем проще жить. Из-за денег люди стараются и портятся, получают. Из-за денег много зла происходит.</p>	<p>В основном из Интернета много зла, потому что многие становятся последователями того, что там пишут. Но добра тоже много, много хороших людей.</p>
<p>В заповедях все сказано. Надо читать Евангелие, и тогда сердцем будем понимать, что такое добро. Важно не то, что человек говорит, а что думает сердцем, от его воли зависит выбор.</p>	<p>В идеале понятие добра базируется на евангельских заповедях, когда ты делаешь что-то не из каких-то эгоистических побуждений, а когда чувствуешь, что это твой ближний, и делаешь ему хорошее, доброе.</p>	<p>Понятие добра для меня – это растить детей и стараться чуть ближе жить к правде, меньше врать. Не обижать старших и уважительно к ним относиться.</p>	<p>Помогать людям, заботиться о других.</p>
<p>Времена меняются, люди остаются те же. Понятие добра и зла не меняется.</p>	<p>Да, конечно, но меняется их понимание в обществе.</p>	<p>Чем больше усовершенствуется окружающий мир, тем больше меняются и понятия добра и зла. Люди становятся намного злее, это и есть направление нашего движения.</p>	<p>Наверное, что-то меняется, но что давно считалось добром и злом, то, наверное, и сейчас остается.</p>
<p>Нет. Мне кажется, в этом мире все промыслительно. Бог знал, что будет зло, поэтому оно нужно, чтобы видеть и различать добро.</p>	<p>Я думаю, что нет. Как бы человек ни старался, грех стал частью его природы, и поэтому до конца искоренить зло на земле невозможно.</p>	<p>Мне кажется, это невозможно, не смогут люди никогда жить по заповедям, поэтому зло не исчезнет.</p>	<p>Наверное, исчезло бы, но мало кто живет по заповедям.</p>
<p>Да, зло – это искаженная добродетель. Где есть добро, там не может быть зла. Добро вытесняет зло, оно присутствует и исчезает.</p>	<p>Нет, не согласен. Можно сказать, что мы все немножко злые, но каждый из нас может творить добро, поэтому в человеке может быть в какой-то мере добро и зло.</p>	<p>Я согласна с тем, что «не делай много добра и не получишь много зла». Не знаю, все относительно. Делаешь в наше время человеку добро, а он все больше садится тебе на шею.</p>	<p>Может быть, человек хотел сделать добро, а в результате сделал зло. В этом вопросе главное – правильно различать, что добро, а что зло.</p>
<p>Если это маленький человек, то примером, если это взрослый человек, то добру можно научиться через делание добрых дел, тогда он будет их делать, добро в нем утвердится.</p>	<p>Как в одном патерике сказано, что если хочешь стать святым – иди, поживи со святым, и станешь таким же, как он. Только своим примером человека можно научить.</p>	<p>Человека научишь добру настолько, насколько в тебе самом есть добра. Стараться научить своим примером.</p>	<p>Объяснить человеку, как делать добро. Своим наглядным примером показать, как делать добро, чтобы он видел, брал с тебя пример.</p>

Две лепты

Зарисовки обитателя спального района

Раньше всех на нашей улице просыпается метро. В пять утра глухие мерные толчки проникают в дом сквозь бетонные перекрытия, и во сне кажется, будто где-то внизу учащенно бьется гигантское сердце. Около семи появляются машины. Они идут плотным потоком, прорвавшим плотину, и после этого спать уже невозможно. В восемь часов толпа пассажиров спускается под землю плотными рядами. Мои герои начинают свой день, когда утренний пик уже позади. Опаздывающие студенты, служащие и прочая торопливая публика им ни к чему. Их клиент – человек, располагающий временем, и уж потом – деньгами. Я имею в виду попрошайек-нищих. Не тех, что обжили подходы к православным храмам, – туда народ ходит вполне определенный, да и сами они в большинстве своем, пожалуй, знают, что такое страх Божий. Речь о своего рода попрошайках-бомжах, тех, кто вольно перемещается по беспокойному житейскому морю. Но верующий-то народ проходит и мимо них тоже. Одному протянешь лепту, другому откажешь – вот и вынес суждение: достоин – не достоин. И как быть?

ЛЕГКИЙ СЛУЧАЙ

Вот Паша. Он не произносит жалобных речитативов – с ним и так все ясно. Крохотные Пашины ножки не достают до ступеньки инвалидной коляски, зато бипссы сделали бы честь любому культуристу. Как у многих колясочников, верхняя часть тела у него переразвита. В солнечную погоду надевает кепку и темные очки мафиозного вида. У Паши удивительная улыбка – добрая и лучистая, как у первокурсника. Мы живем в одном доме, и я, на правах соседки, всегда подчеркнуто приветливо здороваюсь, чтобы посмотреть, как он улыбнется. В сборе денег он не профессионал, скорее любитель. Просить выезжает редко, дань никому не платит. Живет Паша вместе с матерью, но коляску во двор вывозит не она – в 80 лет такое не по силам, – а друзья, местные бомжи. Принимая деньги, Паша вежливо кивает и говорит «спасибо» – с достоинством, без малейшего заискивания или раздражения, и прохожие подают ему охотно. Мимолетный контакт с Пашей оставляет у вас чувство удовлетворения – «вот, помог хорошему человеку». В конце короткого «рабочего дня» я нередко вижу в Пашиных руках бутылку, хотя абсолютно невозможно представить его пьяным или матерящимся. Не знаю, какой Паша на самом деле, но почему-то верится, что незлой.

Протянутая рука без «дополнительных аксессуаров» – самый удобный и честный вариант уличной милостыни. Вам ничего не навязывают, ничего не требуют и ни к чему вас не призывают. Просящий рассчитывает на ваше участие, но не пытается проникнуть в душу.

ТЕЗКА

Она никогда не стоит у метро – только возле храма. Ее, как и меня, зовут Марина, и это не единственное совпадение: у нее

тоже трое детей. К тому же мы ровесницы – год рождения указан на копии паспорта, упакованной в мятый файллик. В другом файллике – справка о многодетности. Это чтобы убеждать недоверчивых, которым мало плакатика на груди. На нем крупно черным маркером написано: «Пожалуйста, пожертвуйте детям». Увидев Марину в первый раз и поговорив с ней минут десять, я сделала то, чего делать не следует: оставила ей номера своих телефонов. Не только сотового, но и домашнего. «Так, ее старшей дочке 15 лет, размер 42–44... Кое-что из моих вещей, приготовленных “на отдачу”, пригодится. Девочке, конечно, нужно самое модное. А малышам? Марина говорила про обувь. Кину клич по подругам, мигом соберут... Хорошо бы ее с ребятами куда-то пристроить. В соцзащите, например». Пару дней я прокручивала в голове план помощи, но Марина не позвонила. Зато очень обрадовалась, когда через неделю мы снова встретились возле храма. «Ой, простите, я сим-карту потеряла!» – «Не проблема, – сказала я, набивая цифры на ее допотопном сотовом, – звоните!». Еще неделя прошла в молчании. После третьей встречи меня вразумила свечница. «Да отстаньте вы от нее! Она тут часто бывает, детей приводит, но ничего не берет, кроме мелочи».

Помогать незнакомым, тем более целой семье, не так просто. Лучше всего доверить инициативу юридически грамотному посреднику, который выяснит всю картину на месте. Пьют взрослые или нет? Есть ли в семье больные? В каком состоянии жилье? Может, люди просят на хлеб только потому, что стесняются попросить на ремонт или на покупку компьютера? В роли социальных посредников часто выступают православные фонды – к примеру, «Русская Береза» сотрудничает с московскими храмами, распределяя помощь

по конкретным семьям. Но чтобы получить поддержку, семья должна пустить к себе волонтеров и честно определить свои нужды. Практика показывает, что радикальных перемен хотят далеко не все.

ПАСПОРТ, ДЕНЬГИ, КОШЕЛЕК

У него очень бледное лицо. Худой, куртка болтается – сущее привидение лет 17 от роду. «Мне надо на билет, я должен уехать домой, – твердит он, – я с утра не ел».

– Денег не дам, извини, – говорю я, – хачапури с кофе будешь?

Он соглашается и тут же просит:

– А можно, вы мне еще купите? На потом? – Осетинские пироги здесь пекут отменные, начинки не жалеют. Берем целый пакет. – Но, может, вы мне все-таки дадите сколько-нибудь на билет? Я приехал в гости, меня обокрали, вытащили паспорт, кошелек... Мне всего семьсот рублей собрать надо! – в руках у парня уже приличная горка монет.

– Я же сказала, денег не дам, – твердо повторяю я. Он смотрит с нескрываемой обидой.

– Ну почему, почему вы все мне не верите?! Как вы можете так жить? – подросток почти срывается на крик, будто не я только что покупала для него еду...

Ну, конечно! Он же видел, что у меня в кошельке еще остались деньги, вот и злится. Я рискую потерять контроль над ситуацией. Голос паренька отчаянно звенит, словно он оправдывается по мень-

шей мере перед трибуналом. Именно так и выглядит наркоманская истерика. Нет, приятель, денег ты у меня не получишь... но если ты и впрямь в беде, я подскажу выход.

– Тридцать рублей у тебя есть? – он кивает, недоумевая. – Значит, так: доезжай до Новокузнецкой. Выходишь – прямо перед тобой Пятницкая улица. Пойдешь из метро вправо, найдешь дом 17/4, строение 1, это рядом. Есть на чем записать? – порывшись в сумке, нахожу карандаш и блокнот, выдираю листок. – Вот, держи. Спроси доктора Лизу. Лиза Глинка, запомни. Ее офис в подвале на Пятницкой, любой бомж покажет. Если тебе действительно нужен билет, она поможет.

Адрес фонда «Справедливая помощь» известен всей Москве. Команда Елизаветы Петровны Глилки, врача-реаниматолога, специализируется не только на помощи бездомным, но и на таких вот патовых человеческих ситуациях. Бедолаг, которым здесь помогли добраться до дома, не счесть. И если вам попался несчастный, у которого «все украли», – накормите его, снабдите карточкой на метро и объясните, как добраться в фонд. Конечно, можно отправиться вместе на вокзал и купить билет. Но если вас все-таки бесстыдно надувают, разумнее предоставить человеку свободу маневра.

НЕИМУЩАЯ ЛОШАДКА

Восьмиклассник Дима меня ненавидит. Я знаю то, чего его клиентам знать не положено. Например, что лошадь нельзя в мороз и в сырость часами держать без попоны. И что бывает, если заставить ее целый день провести без клочка сена. Знаю, что в попрошайки попадают только старые больные кони, которые больше не могут работать под седлом. Я в курсе, сколько стоит четвероногий ветеран, всю жизнь катавший детей, и сколько можно заработать, прикупив пару-тройку таких пенсионеров. А главное – мне известно, куда отправляются лошади после нескольких сезонов нищенских гастролов. На мясо.

На Димино счастье, других конников, кроме меня, в окрестностях его «бизнеса» нет. И когда он заводит свое «подавайте-лошадкенапропитание», вокруг сразу собирается толпа сердобольных гражданок с детьми. Малыши глядят лошадку, взрослые умиляются. Лошадь, осоловевшая от усталости и голода, стоит смиренно. До самого вечера ей не светит ничего, кроме баранок. Ведь будь она сытой и свежей, могла бы что-нибудь натворить. Например, испугаться собаки или звука сирены. Шестьсот кило паники – это очень опасно, когда кругом люди. Но прохожие ни о чем не подозревают, и монеты исправно

падают в Димин пакет. На корм лошадке? Как бы не так! Расходы на сено и морковку окупаются здоровыми лошадками, работающими в парковых «покатушках». А попрошайничество для Диминой семьи – просто дополнительная статья дохода. «Вы же ходите на работу? Я – тоже!» – объяснил он мне гордо, и я поняла, что договориться не удастся. В один прекрасный день, устав от «последних китайских предупреждений», мы с дежурным по станции общими усилиями сдали Диму наряду полиции. Диминая мама очень удивилась, узнав, что работа ее несовершеннолетнего сына нарушает действующее законодательство, но «малоимущих лошадей» у нашего метро я с тех пор встречаю значительно реже.

В Москве уже более пяти лет существует автономная некоммерческая организация «Эквихелп», помогающая лошадкам, попавшим в беду. Благодаря «Эквихелпу» многих животных удалось пристроить в добрые руки. Но в случае с попрошайками дело упирается в одну проблему. Где держать животных, изъятых у недобросовестных владельцев? Приюта для лошадей в городе нет. Отчасти поэтому разбирательства по ст. 245 УК РФ (жестокое обращение с животными) редко доходят до логического завершения. Пока вопрос о спецконюшне лежит в дальнем ящике, остается рассчитывать лишь на сознательность населения. «Эквихелп» ведет разъяснительную работу, раздавая листовки и привлекая СМИ. И так, когда у вас просят «лошадке на пропитание» – в переводе это значит «на истязание».

ФАТИМА И ДРУГИЕ

– Да стой ты, куда пошел, а? Стой, говорю, не трогай! Фатима! Смотри, ты какой, а?! Зачем мама не слушаешь?

– У меня такие же озорники, – говорю я. Таджичка улыбается, но смотрит не на меня, а на свою дочку, которая опять пытается запихать в рот камешек. Фатима – прелесть. Она играет, хватается всякий мусор и вообще ведет себя, как положено ребенку. Именно поэтому я с радостью подаю ее маме. Хотя обычно, встретив попрошайку с младенцем на руках, я сворачиваю с маршрута и зову полицию. Обычно я вижу беспробудно спящих детей. Мертвецки спящих. Только невнимательный прохожий спутает этот синопный обморок с тем крепким сном, в который иногда впадают дети до четырех лет. Здоровый детский сон, румяный, как клубника. А дети в переходах спят потому, что их напоили водкой. Хорошо еще, если без таблеток. Их усыпили, чтобы они не мешали работать. И не факт, что женщина, держащая на руках бесчувственный

кулек, – родная мать. Иногда это просто арендаторша. Она никогда не попросит вас не шуметь, не отстранится, опасаясь, как бы вы ее не толкнули под руку. Перед вами не беда, а преступление. Для борьбы с ним в начале двухтысячных была создана специальная служба при метрополитене. Поводом послужил страшный случай, когда ребенок умер на руках попрошайки. В течение нескольких лет «мамаш» задерживали для выяснения личности. Количество нищих с детьми резко уменьшилось.

Как поступить, если вы застали такую картину? Найдите дежурного и сообщите, где именно стоит женщина. Можно воспользоваться колонной информации, а если дело происходит в вагоне – кнопкой экстренной связи «пассажир – машинист». Чаще всего попрошайки попадают на кольцевой ветке, но там и полиция хватается, долго искать не придется. Стражи порядка могут отнестись к вам скептически: «Что, по-вашему, мы должны сделать?». Проявите осведомленность и попросите проверить документы этой особы. Если у вас достаточно времени, подождите, пока будет составлен протокол. Если вы в цейтноте, свяжитесь по сотовому с управлением по делам несовершеннолетних при Московском метрополитене (тел. 495 6219350 или 6253731). В любом случае **не подавайте!**

Впрочем, даже с милостыней случаются курьезы. Недавно, выходя из метро, я столкнулась с ватагой молодых бомжей. Ребята явно от кого-то удирали, а вслед им неслись громкие ругательства. «Сумку, сумку! Ах ты, гад проклятый!..» – со слезами причитала старушка. Наверно, торговала у парапета каким-нибудь нехитрым рукоделием, а ее обчистили. Вокруг уже собиралась толпа. Я сунула руку в карман: вроде там еще оставались деньги. «Весь товар! Вещь товар украли!» – «Вот, возьмите, пожалуйста, этого мало, но хоть что-то» – сказала я, протягивая купюру. «Там же вся Анастасия! Все колдовство! И амулеты, амулеты!» – продолжала убиваться бабуся. Рыться по карманам сразу расхотелось. Ну кто ее за язык тянул?!

СКРЕПЫ

Любовь не точию более нашей молитвы, но и выше всех жертвоприношений...

*Преподобный
Антоний Оптинский*

Вадим Рутковский

Как Суворов единоверцев спас

О чем напомнил памятник российско-армянской дружбы

В 1997 году в скверике перед храмом Вознесения Господня, что у Никитских ворот, появился белокаменный обелиск – памятник дружбе народов России и Армении. Почему именно здесь? Ведь памятники где попало не ставят. У меня есть версия, небесспорная, как всякая версия, но я в нее верю, а вы судите сами.

Если стать спиной к скверу и посмотреть в сторону Нового Арбата, взгляд встретится со старинным московским храмом святого Феодора Студита. Построенный в 1624–1626 годах, он был соборным храмом Феодоровского-Смоленского-Богородицкого мужского монастыря, основанного Патриархом Филаретом (в миру Феодором Никитичем Романовым), отцом первого русского царя из Дома Романовых – Михаила Федоровича.

Из этого исторического клубка тянется ниточка: храм Феодора Студита известен как историческое место, связанное с жизнью великого русского полководца Александра Васильевича Суворова. Замечательный собиратель городских легенд Михаил Иванович Пыляев рассказывал: «Румянцев (знаменитый полководец. – Прим. авт.) любил часто беседовать о своем друге Суворове... Он скромно проживал тогда близ церкви Вознесения, на правой руке, второй или третий дом, если идти от Кремля... Вся родня князя Итальянского (титул А.В. Суворова. – Прим. авт.) похоронена при церкви Феодора Студийского. Эта церковь в нескольких шагах от суворовского родового дома, она была прежде монастырем, устроенным в память Смоленской Богоматери. В этой церкви гениальный полководец приучал себя читать Апостола и при всяком выезде из Москвы никогда не оставлял своих родителей без особых поминовений...».

У авторитетного биографа «генералиссимуса всех войск российских» Вячеслава Сергеевича Лопатина в книге «Суворов» (ЖЗЛ, 2012) можно прочитать, что великий русский полководец имел по материнской линии армянские корни. Авдотья Федосеевна – в девичестве Манукова (русифицированная версия армянского Манукян). Что думал о своих далеких предках Александр Васильевич? Чувствовал ли себя

наследником славной горной страны? Но то, что «армянский след» оказал влияние на характер виртуоза войны, можно считать почти бесспорным.

Возможно, именно в генетической памяти Суворова о своих доблестных южных предках стоит искать корни его главного принципа «Воюй не числом, а умением», ставшего идейной основой суворовской философии ведения войны. Статистика выигранных Суворовым батальев не может не впечатлять. В мае 1773 года две тысячи суворовских солдат взяли крепость с гарнизоном более четырех человек. В июле 1779 года он с 20-тысячной армией разгромил 30-тысячную турецкую группировку. В 1789 году 25-тысячная армия Суворова обратила в бегство 80-тысячную армию турок, причем неприятель потерял 17 тысяч человек, а русские – всего 45 человек убитыми и 133 ранеными. Это было знаменитое Рымникское сражение, за что Суворову был пожалован графский титул. Но среди множества викторий генералиссимуса есть в его послужном списке особый подвиг. Я имею в виду операцию по переселению крымских христиан.

В середине XV века распалась некогда могущественная Золотая Орда. Ее прямой наследницей стала Большая Орда, иногда называемая также Волжской Ордой. Большой Орде противостояло амбициозное и агрессивное Крымское ханство. Некоторое время оно было союзником Московской Руси, но в июле 1507 года крымцы нанесли удар по нашим землям – Белеву, Одоеву и Козельску. Противник был разбит. С этого года почти на 250 лет начинается военное противостояние России и Крыма. Духовным памятником той жестокой эпохе стал московский Донской монастырь, основанный по инициативе царя Феодора Иоанновича в знак благодарности Господу и

Крест – как знак единения двух народов

Его Пречистой Матери за чудесное спасение Москвы от рати хана Казы-Гирея в июле 1591 года.

Избавление от этого татарского вторжения действительно носило рационально не объяснимый характер. По разным данным, войско Казы-Гирея насчитывало от 100 тысяч до 400 тысяч бойцов. В эту мощную армаду входили также нагайцы, черкасы, турки, в том числе янычары и турецкая артиллерия. Почти беспрепятственно Казы-Гирей подошел к Москве и расположился по широкой дуге от Коломенского до Воробьевых гор. Основные русские силы были задействованы в это время в большой войне со шведами. Противник обладал внушительным превосходством. Тем не менее, мы дали бой.

Битва с утра 4 июля продолжалась до глубокой ночи. Пятого утром русские ратники изумились – враг исчез! До рассвета снялся со станов и спешно отсту-

пил на юг, бросая имущество, лошадей, тела задавленных людей. Обратный путь крымской орды был устлан мертвецами и умирающими. Историки (разумеется, атеисты!) до сих пор не имеют единого мнения о причинах панического бегства татар. Летописи сообщают, что царь Федор Иоаннович истово молился о спасении Москвы. Автор Нового летописца уточняет: царь стоял на молитве день и ночь. Новый летописец прямо сообщает о чуде, совершенном тогда монархом. Когда царь наблюдал из окна за своими ратниками и крымцами, бившимися вдали, за его спиной стоял боярин и дворецкий Г.В. Годунов. Не выдержав напряжения, Григорий Васильевич расплакался. Утешая его, Федор Иоаннович молвил: «Не бойся: сее же ночи поганые побегут и завтра тех поганых не будет». Это доброе пророчество Годунов сейчас же разнес «многим людям».

Выплата Москвой дани Крымскому ханству прекратилась только при Петре I. Последний набег крымской конницы на южные земли России был совершен зимой 1769 года. Остались тысячи сгоревших изб, разграбленные церкви и мельницы, были уничтожены запасы хлеба и сена, почти три тысячи мирных жителей погибли или были взяты в плен. Степные хищники угнали весь скот. В результате первой турецкой войны между Россией и Османской империей 10 июля 1774 года был подписан мирный договор. Россия получила в Крыму Керчь и Еникале, а Крымское ханство было объявлено независимым

от Османской империи. Сразу же завязалась упорная борьба за влияние на него. При поддержке России был избран и утвержден на ханском престоле Шагин-Гирей. Его правление (как любое) было небезупречным и не таким уж гладким, но

у него была опора – командующий Крымским корпусом граф Суворов-Рымникский.

В июле 1778 года генерал-поручик Суворов получил от турок ультиматум: прекратить плавание по Черному морю – «наследственной области величайшего и могущественнейшего монарха, в которой никто другой и малейшего участия и никакого права не имеет». Заканчивалось послание угрозой топить русские военные корабли. Пока турецкая эскадра плыла к берегам Крыма, Суворов провел важнейшее мероприятие – вывод местных христиан. Еще 8 марта 1778 года Екатерина II повелела Румянцеву «живущих в Крыму греков, грузин и армян, кои добровольно согласятся прибегнуть под покров наш и пожелают поселиться в Новороссийской и Азовской губерниях... принимать их со всею ласкою». Инициатором акции был светлейший князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический.

Операция оказалась чрезвычайно сложной, но Суворов справился блестяще. Пришлось нанять более двух тысяч подвод, запряженных волами, обеспечить переселенцев продовольствием и жильем на всем пути к новым местам, дать им охрану. В разгар операции у крымских берегов появились турецкие корабли. Однако Суворов совершил несколько упреждающих маневров, продемонстрировав решимость максимально жестко и эффек-

тивно. Операция оказалась чрезвычайно сложной, но Суворов справился блестяще. Пришлось нанять более двух тысяч подвод, запряженных волами, обеспечить переселенцев продовольствием и жильем на всем пути к новым местам, дать им охрану. В разгар операции у крымских берегов появились турецкие корабли. Однако Суворов совершил несколько упреждающих маневров, продемонстрировав решимость максимально жестко и эффек-

Церковь Преподобного Феодора Студита у Никитских ворот

Памятный обелиск в честь родителей и близких родственников А.В. Суворова

тивно отразить любую агрессию. Турция не решилась на новую войну и подписала с Россией соответствующую конвенцию. Суворов доложил светлейшему князю о благополучном переселении крымских христиан.

Писатель и ученый, доктор исторических наук, профессор, академик Валерий Николаевич Ганичев в своей книге «Святой праведный Федор Ушаков» так описывает последствия блестяще осуществлен-

ной Суворовым операции: «... в 1778 году за несколько дней генерал-аншеф Суворов, чтобы лишить строптивного крымского хана денежной поддержки самой хозяйственной и богатой части населения, переселил всех христиан из Крыма в наместничество на северное побережье Азовского моря. Так и возникли тогда города с преобладанием греческого и армянского населения – Мелитополь, Мариуполь, Нахичевань у крепости Святого Димитрия Ростовского...».

10 июля 1783 года светлейший князь Потемкин принял присягу крымской знати и духовенства. Так полуостров был окончательно присоединен к Российской Империи. В этом году исполняется 230 лет историческому событию, о котором сегодня вспоминаешь с гордостью и краснеешь от стыда за куриную слепоту наших современных правителей.

Нужно ли говорить о роли, которую сыграл Крым в духовной истории России? Начать хотя бы с того, что в 988 году в Крыму крестился равноапостольный князь Владимир. В 2013 году Россия, Украина и Белоруссия отмечали 1025-летие этого события. Теперь уже выведен из-под запрета тот факт, что Александр Васильевич Суворов, чьи заслуги в присоединении Крыма к России огромны, был весьма набожным человеком. Суворов никогда не забывал о Боге. Уйдя в отставку, он зажил активной религиозной жизнью. Посещал церковные службы, пел на клиросе, прислуживал, пробовал себя как

Памятная доска на доме Суворова на Большой Никитской

церковный песнотворец. Составленный им «Канон Спасителю и Господу нашему Иисусу Христу» был опубликован уже после смерти полководца. Суворов думал и о монашеском постриге. Вот текст его прошения, поданного императору Павлу I в декабре 1798 года: «Ваше Императорское Величество, всеподданнейше прошу позволить мне отбыть в Нилову Новгородскую пустынь, где я намерен окончить мои краткие дни в службе Богу. Спаситель наш один безгрешен. Неумышленности мои прости, милосердный государь».

Однако у меня порой складывается впечатление, что сегодня подлинно живой интерес к тем славным и не столь уж далеким от нас страницам российской истории в большей степени, чем мы, коренные россияне, проявляют жители самого Крыма. На эти невеселые мысли меня навели многочисленные публикации в средствах массовой информации о том, что украинский предприниматель Олег Алексеевич Зубков выступил с инициативой осуществить грандиозный проект по созданию ландшафтного парка «Суворовский». Предполагается выделить территорию площадью 70 га в Белогорском районе у подножия горы Ак-Кая. Его жемчужиной станет 700-летний «суворовский дуб», под кроной которого, согласно легенде, Александр Васильевич вел переговоры с турецкими военачальниками. Намечено разбить аллею полководцев, заложить сад, сделать фонтаны и озера, альпийские горки, поставить памятник А.В. Суворову. Очевидно, по замыслу О.А. Зубкова

и его единомышленников этот монумент должен напоминать об упомянутом событии, имевшем место 23 марта 1777 года. В этот день в Карасу-Базаре (современный Белогорск) Суворов торжественно встретил прибывшего с Кубани будущего крымского хана Шагин-Гирея.

Я очень рад за наших крымских друзей. Но так хочется, чтобы и у нас в Москве появился похожий духовно-исторический оазис,

посвященный Александру Васильевичу Суворову и славным событиям в Крыму, деятельным участником которых ему довелось стать. И лучшего места, чем пространство, примыкающее к площади Никитских ворот, для этого не найти. Тем более что рядом находится знаменитая улица Спиридоновка, названная в честь одного из самых популярных в Греции и широко почитаемого на Руси святого – святителя Спиридона, епископа Тримифунтского. Когда-то эту улицу украшала красивая церковь во имя его. В 1930 году она была разрушена. Многим москвичам и россиянам, побывавшим в Греции и планирующим совершить туда туристическую поездку или паломничество, хорошо известно эlegantное здание посольства этой страны, расположенное на Спиридоновке. Я был бы еще больше рад, если бы в сквере у Никитских ворот появились бы памятники святителю Спиридону Тримифунтскому и Александру Васильевичу Суворову, спасающему крымских армян и греков. Информационные щиты и памятные знаки, рассказывающие жителям и гостям города о событиях тех лет, были бы отличным дополнением к скульптурным изваяниям. А весь этот комплекс в целом, я уверен, стал бы символической точкой пересечения драматических судеб братских христианских народов, точкой, призванной возродить нашу историческую память, столь необходимую в сложное время мучительного поиска родных корней и положительных героев.

Фото автора

Крым – Москва

Наша организация не носит имя Суворова, но многие в ней, имея за спиной жизнь, полную боевых тревог, испытывают перед ним изумление. Суворов больше чем гений. Он – само воплощение России, сосредоточие всех ее духовно-нравственных ценностей!

Недалеко от г. Суздаль Владимирской области в с. Кистыш стоит полуразрушенный красивый каменный храм святителя Василия Великого. Селу более 500 лет, Петр I подарил его деду Суворова, Ивану Григорьевичу, который начинал военную службу в Стремянном стрелецком полку, охранявшем Кремль, и остался верным юному царю Петру Алексеевичу во время стрелецких восстаний.

Петр I крестил его сына Василия, который в 17 лет стал денщиком Петра и капралом Преображенского полка и выполнял особые поручения императора в России и за границей.

В честь Василия Суворова в с. Кистыш был построен деревянный храм во имя его небесного покровителя свт. Василия Великого. После смерти отца Александр Суворов построил на его месте новый большой и очень красивый каменный храм свт. Василия Великого с приделами св. благоверного князя Александра Невского и пророка Божия Илии.

Храм погибал. Его нужно было срочно спасать. За 2012 г., слава Богу, восстановили купол, наделили кровлю, восстановили фронтоны четверика. Разрушение сверху остановлено, нужно восстанавливать алтарь (он продолжает разрушаться), два престола, трапезную, построить колокольню.

Создана инициативная группа по восстановлению храма. Архиепископ Владимирский и Суздальский Евлогий дал нам Храмозданную грамоту и благословил ор-

ОБРАЩЕНИЕ ко всем неравнодушным людям, кому дороги имя и дела великого сына России Суворова

ВСЕНАРОДНЫЙ СБОР ПОЖЕРТВОВАНИЙ на восстановление храма свт. Василия Великого, построенного СУВОРОВЫМ

ганизацию всенародного сбора пожертвований на восстановление храма на расчетный счет епархии.

У каждого из нас появился шанс помочь спасению от гибели и восстановлению храма рода Суворовых, построенного Генералиссимусом!

Есть пожертвования в 50, 100, 200 рублей, и люди извиняются, что не могут дать больше. А есть – по 5, 10, 20 и даже по 50 и 100 тысяч рублей. Но во всенародном сборе важен факт, а не размер личного пожертвования человека. Вспомните Евангелие и слова Иисуса Христа: «Он увидел богатых, клавших дары свои в сокровищницу; увидел также и бедную вдову, положившую туда две лепты, и сказал: истинно говорю вам, что эта бедная вдова больше всех положила; ибо все те от избытка своего положили в дар Богу, а она от скудости своей по-

ложила все пропитание свое, какое имела» (Лк. 21:1–4).

Пишу это письмо, веря, что среди его читателей обязательно будут те, для кого имя, слава и дела Суворова – не пустой звук и кто внесет свою лепту в общенародное дело восстановления суворовского храма, в сохранение памяти о великом сыне России, великом русском воине, отдавшем всего себя служению Отечеству!

С уважением, генерал-майор Александр Владимирович Черкасов, председатель Попечительского совета фонда ОМОФОР, руководитель инициативной группы воссоздания храма свт. Василия Великого, построенного великим русским полководцем Александром Суворовым в с. Кистыш недалеко от древнего города Суздаля

Сайт: <http://www.omofor.ru> Телефоны: 8-903-543-33-30; 8-901-526-40-40
E-mail: cherkasov.rus@gmail.com

Желающим помочь сообщая реквизиты:

Получатель: православная религиозная организация Владимирской Епархии Русской Православной Церкви ИНН 3329009891 р/с 40703810010020100076 во Владимирском отделении Сбербанка России № 8611 БИК 041708602 кор/счет 30101810000000000602

Наименование платежа: на восстановление храма святителя Василия Великого в селе Кистыш Суздальского района Владимирской области.

Сообщая также контакты для оперативной связи:

Секретарь Владимирской Епархии протоиерей Владимир Иванов: 8-910-773-79-96
Настоятель храма Василия Великого протоиерей Игорь Любченко: 8-920-909-29-39
Председатель Попечительского совета фонда ОМОФОР, генерал-майор Черкасов Александр Владимирович: 8-905-543-33-30, 8-901-526-40-40, e-mail: cherkasov.rus@gmail.com
Член фонда ОМОФОР, капитан 1 ранга Овсянников Владимир Иванович: 8-916-150-150-1, 8-963-772-14-06, e-mail: ovsianik13@mail.ru

Секретарь инициативной группы Викина Наталья Васильевна:

8-916-842-59-04, 8-985-417-28-11

О перечислении средств просим **обязательно сообщить** на e-mail: fond-omofor@mail.ru, или на сайт <http://www.omofor.ru>, или по любому из контактов.

И плывет над Русью колокольный звон

Колокола испокон веков были голосом Церкви, поэтому разрушение храмов всегда начиналось с запрещения колокольного звона и уничтожения колоколов.

Отрадно осознавать, что спустя много лет возрождение православной веры и воссоздание поруганных святынь начинается именно с восстановления утраченных колоколов. Колокола вновь созывают прихожан как в больших городах, так и в маленьких селах.

Колокольный звон в небольшом селе Борисовка Липецкой области умолк еще в начале XX века, а в XXI веке возрождается вновь. Событие это не назвать эпохальным, но и для жителей Борисовки, и для прихожан московского храма иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине оно исполнено особого смысла. Дело в том, что в Борисовке родился, а в Ховрине некоторое время, вплоть до ареста в 1937 году, служил архимандрит Амвросий (Астахов), причисленный к лику святых новомучеников и исповедников.

Энтузиасты возрождения колокольных звонов, выпускники Московской школы звонарей Ильи Дроздыхина, еще в начале 2013 года организовали сбор средств на колокола для Казанского храма села Борисовка. Они же, радетели восстановления колокольных звонов в русской глубинке, – и основные спонсоры этой акции. Имена всех попечителей выгравированы на колоколах и будут вечно поминаться на каждом богослужении в храме.

В начале лета колокола, отлитые в мастерской Ильи Дроздыхина, отправились из Москвы в Липецкую область.

Освящение состоялось в престольный праздник иконы Божией Матери «Казанская», 21 июля 2013 года. В храм, расположенный посередине села, люди стали собираться задолго до начала богослужения. На парковке у церковной ограды выстроилась вереница автомобилей – многие приехали из других сел и городов. На специальном столике ждали своего часа приготовленные к освящению колокола, заботливо укутанные от непогоды. Лишь один, самый маленький колокол не прятался от дождя и ветра, радуя всех своей солнечной позолотой.

По окончании Божественной литургии и крестного хода настоятель храма Алексей Зудин освятил новые колокола. После окропления святой водой четыре новых кампана были установлены на звоннице перед храмом.

Колокольный звон вновь разливается над селом Борисовка Липецкой губернии. А эхо его доносится до Знаменского храма в московском Ховрине.

Фотографии Вадима Рутковского

Чудо с подушкой

Все было именно так

Жил-был таксист. И неплохо, надо сказать, жил: особо не напрягался, кормил семью, не изменял жене, воспитывал сына, ухаживал за старушкой-мамой. А когда у жены с его матерью что-то там не сложилось и разгневанная супруга поставила вопрос ребром, таксист, пожалуй, впервые всерьез промыслил внутри себя:

– Сегодня моя мать мешает, а завтра, глядишь, я не угожу.

Промыслил таксист такую мысль да и развелся с женою. Оставил ей мебель, гараж, машину (сына она уж сама отсудила), а вот однокомнатную квартирку разделили на две небольшие клетушки в разных концах Москвы с соседями в смежных комнатах. Таксист со своей матерью осели вблизи метро Люблино; а бывшая лучшая половина с их пятилетним сыном поселились у Трех вокзалов.

Прошли годы. Вместе с ними – застой и перестройка, шоковая терапия и ускорение, – таксист исправно крутил баранку и выкручивал для бывшей приличную сумму на воспитание их общего горячо любимого пацаненка. Помог выменять ее коммуналку на отдельную двухкомнатную квартирку в районе метро Медведково. Со временем и себе вместе со своей почти ослепшей матерью улучшил условия – прикупил «однушку» в своем прежнем районе.

Когда же мать его умерла, а сын, повзрослев, даже женился, решил таксист оставить профессию. И из лихого крутого парня, способного при случае выбить положенную оплату даже из «новых русских», стал обыкновенным православным неопитом, а применение своим духовным и физическим силам нашел в исполнении обязанностей сторожа одного из московских храмов. Вернувшись к религии предков, таксист, теперь уже бывший, сменил джинсы на брюки, похоже, до революционного покрова, к тому же

никогда не ведавшие утюга, а яркую клетчатую рубашку – на серый потертый свитер. Как и положено, отрастил бороду, а случись выражать благодарность, использовал только «спаси Господи» и «во славу Божию».

Бывшая подруга жизни, с которой он не прекращал общения, была, напомним, женщиной крайне свободолюбивой и из красавицы-комсомолки-спортсменки теперь превратилась в стриженую, ярко покрашенную старушку, исповедующую весьма модную ныне веру – в самого себя и свои безграничные возможности. Принимала холодный душ, питалась исключительно «грамотно» и вегетариански, часами стояла на голове, словом, выигивалась как могла. К неожиданной метаморфозе бывшего отнеслась с брезгливым недоумением, но в принципе спокойно, как и подобает продвинутой эгоистке-суффражистке. А он, сам того не подозревая, действительно стал ортодоксом-традиционалистом, близким по духу и букве к тем, кого называют «хоругвеносцами».

Однажды поздней промозглой осенью бывший таксист, позабыв перед выходом из дому как следует помолиться, рано утром направился в храм причаститься. И в предрасветной мгле у самого входа в метро на подлозатом ледке ступеньки его как будто кто-то слегка приподнял, подержал мгновение навесу и с размаха ткнул задом об асфальт. Да как!

Диагноз в больнице поставили быстро и точно: перелом шейки бедра. Так же быстро и точно назвали стоимость операции и всего, что с этим связано. Слава Богу, заплатил сын. Когда загипсованного беспомощного родителя выписали из клиники, встал вопрос: куда везти? Жена у сына только что родила и поднимать выздоравливающего свекра попросту не имела сил. В собственную берлогу – а там кто будет ухаживать? И сын отвез закованного до пояса родителя к его

бывшей супруге и своей престарелой матери. А что, собственно, оставалось?

– Поживешь пока с мамой. Авось к старости и примиритесь. И я рядом, звони: зайду, помогу по-свойски.

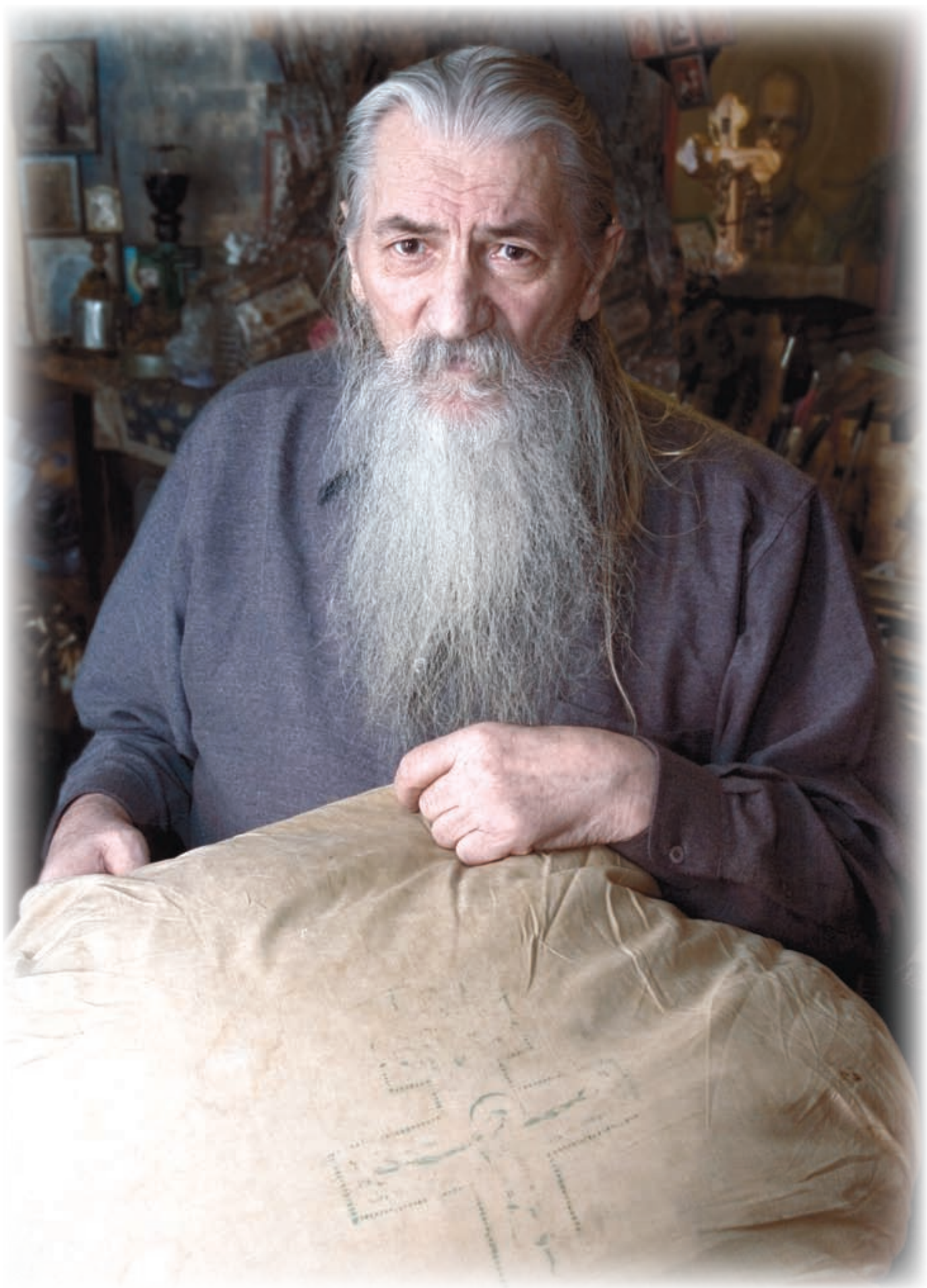
Бывший таксист ни слова не возразил, хотя радости от предстоящей встречи тоже не испытал. Но опять же: а что делать?

Встреча бывших, против ожидания, оказалась вполне приветливой. Молочный суп с клецками, постный плов – готовилась! Церковный сто-рож перед трапезой, как водится, помолился, что вызвало усмешку у бывшей. В течение обеда она отпустила пару-другую колкостей, явно вызывая на спор: «И все-таки наш Майтрейя будет почеловечней, чем ваш Христос».

Но бывший таксист на провокацию не поддавался: зря, что ли, в райо-змей приступил именно к бабе? Словом, поели мирно.

После размена жилья с сыном ей досталась просторная однокомнатная квартирка. Разместить больного пришлось на единственном диване-тахте. В изголовье сияло пластиковое окно, а у изножья стоял небольшой сервант, набитый всяческой дамской дребеденью. В центре комнаты, прямо перед таксистом, царствовал телевизор с жидкокристаллическим экраном, который практически никогда не выключался. В «красном углу», где обычно располагаются иконы, висел небольшой плакат с изображением многорукой, залитой кровью танцующей богини Кали. И рядом – наклеенный на фанерку натуральный американский доллар. Молилась она перед ним по утрам, что ли?

Короче, для церковного человека обстановка в комнате была еще та. Ни помолиться, ни сосредоточиться на своем. Полуголые «звезды» шоу-бизнеса сменялись на телеэкране детективом из жизни бомонда и «новых

русских», крохотную паузу составляли новости, но и они не утешали.

– Ну как ты тут отдыхаешь? – обычно спрашивала вернувшаяся с прогулки хозяйка дома и, не дожидаясь ответа, прямо на глазах у него переоблачалась в какой-нибудь легкий адидасовский костюмчик и, упершись голыми пятками в слегка промасленную в месте постоянных прикосновений стену и став на голову, на добрые полчаса уходила в нирвану.

Вначале больной пытался урегулировать ситуацию уговорами. Хотя бы слегка убавить громкость телевизора, а перед уходом из квартиры, если можно, совсем выключать его. Хозяйка пообещала, однако ни разу не уменьшила громкость ни на децибел. К намеку на то, что запах ее духов непривычно резок, рассерженно усмехнулась:

– Надо же, ему не нравится! А у вас в храме – какой духман? Мы же терпим, когда заходим поставить свечку. А ты даже у меня в доме хочешь свои порядки установить. Сам-то еще при мамаше всю плешь мне проел. Терпение, терпение!.. Вот и терпи теперь.

Терпел. А куда денешься? Но будем справедливы: бывшая была не во всем неправа. Весьма взрослая дама, со сложившимся укладом жизни, который может кому-то не нравиться, она имеет право не принимать это во внимание, к тому же все происходит в ее личном, как теперь говорят, жизненном пространстве. Она и того, что сделала, могла не делать. Бывший муж и бывший таксист и нынешний церковный сторож умом все понимал, да смирить себя не мог. А кто из нас, тоже умом все понимая, по уму и действует? То-то. Но куда денешься? И все ее бесконечные переодевания до трусиков и обратно – перед выходом из квартиры и сразу же по возвращении – только встречал тихим вздохом, низко тупя при этом очи.

Через неделю терпению пришел конец.

– Слушай, папа, – с трудом сдерживаясь, выдохнул в трубку сын. – Кто за тобой будет в твоей берлоге ухажи-

вать? Я все время в командировках. Помрешь с голодухи-то.

– Ничего, – кротко ответил в трубку отец и перекрестился. – Уж как-нибудь, с Божьей помощью. Но только тут мне совсем невмочь. Оставишь с десяток просфор, банку святой воды. Выживу как-то и без сиделки.

– Ну, хорошо, на просфорах ты выживешь. А утку кто тебе там подаст? Совсем ведь в дерьме утопнешь!

– Значит, так на роду написано. Да только и в этом аду, сынок, я не смогу ни секундой больше!

Оставляя закованного в гипсы родителя наедине с трехлитровой банкой крещенской святой воды, с десятком-другим плесневелых просфор, с битой железной «уткой», в окружении икон, тут и там расставленных по всей комнате, сын угрюмо сказал на прощанье:

– Чтобы потом – без обид. Ты сам этого захотел. А мы с матерью тебя предупреждали. Всю жизнь эгоистом был, вот и помрешь как таракан запечный.

– Спасибо тебе, сынок, – отец чуть не прослезился. – А что за маму болеешь, тебе воздастся. Ты уж прости меня, окаянного! Как таракан – и ладно. Да только бы у Христа за печью.

– Приеду из командировки – заскочу.

Закрылась входная дверь. Впервые за последние два с половиной месяца, а казалось, вообще впервые в жизни, бывший таксист остался один. В полумраке мягко мерцали свечи, перед уходом зажженные сыном. В их зыбком свете лики святых постоянно чуть изменялись, то улыбаясь и тихо радуясь; то вдруг суровея и с укоризной взирая на старого больного человека, молча сидящего перед ними на кровати. И было так тихо, так спокойно, что бывший таксист мигом вспомнил о любимом своем распятии. Оно так и лежало под подушкой с того самого дня, как его увезла «скорая». Он внимательно рассматривал Святой крест, знакомый ему до мельчайших деталей, долго и молча вглядывался в любимый Лик. Потом тщательно троекратно перекрестился и приложился губами к

столе Спасителя. А затем уже широким и властным жестом перекрестил распятием все свои иконки, осенил крестом ближайшие новостройки, видимые из его порядком замызганного окна, после чего, положив распятие на старенький табурет у кровати, решил взбить перед сном подушку. И каково же было его смущение, а затем и радость, когда он на тыльной стороне наволочки, в центре подушки, вдруг обнаружил зеленовато-серый оттиск того самого креста.

Многие православные, не говоря уж об атеистах, с недоверием и досадой относятся к подобного рода явлениям. Одни пытаются дать примитивные объяснения («Так это-де совсем просто!», другие многозначительно намекают на «игру воображения» («Чего только не взбредет в одурманенную голову»), третьи с иронией отмечают роль «человеческого фактора», то есть подозревают в обычном мухляже. И только очень немногие – в основном это люди совсем не книжные, отпетые простецы, – уверенно и твердо заявляют:

– Это настоящее чудо Божие.

Зачем и к чему оно проявилось, никому до времени не известно – ни самому бывшему таксисту, а ныне колченогому церковному сторожу, ни паре-тройке его друзей, что заходили к больному в гости и, помолясь, прикладывались к отпечатку на подушке. Одно могу сказать наверняка: все долгие месяцы, пока травма медленно выправлялась, он пытался исключительно одними сухими просфорами, запивая их крещенской святой водой. Когда же бедро поджило настолько, что гипс наконец-то сняли и больной начал даже привставать с кровати, а там и ходить, опираясь на костыли, по комнате, – рацион его сильно не изменился. Так до сих пор он и ест в основном лишь вымоченные в святой воде, слегка плесневелые просфоры. По праздникам, правда, позволяет себе немного расслабиться: выпивает глоток кагора да съедает кусочек сыра и пару ломтиков колбасы. Вот и все. Больше мне рассказать о нем нечего.

Фото автора

Острова нашей памяти

Хотелось бы назвать имена. Имена тех, кто когда-то жил на этой земле, ходил по ней, любил, страдал... Для участников события, о котором пойдет речь, их имена стали местом встречи – друг с другом, с самими собой, с историей, и, возможно, с будущим веком.

Александр Иванович Осипов приходит на свою работу каждый день в восемь утра с 1998 года. Работает он в музее «Невский пятачок»¹ – с помощью неравнодушных людей создает экспозицию, собирает материалы в архивах, водит экскурсии...

«Музей был создан в 1963 году по инициативе и при непосредственном участии ветеранов, – рассказывает Александр Иванович. – Просуществовал до пожара 1991 года, уничтожившего Дом культуры, в котором он располагался. Потом на месте Дома культуры был построен храм. Еще споры велись – Дом культуры воссоздавать или храм строить. Для музея место нашлось, а с отцом настоятелем мы теперь, можно сказать, рука об руку идем».

Главное дело жизни Александра Ивановича – Книга Памяти, в которую заносятся сведения обо всех погибших и захороненных в дубровской земле защитниках Отечества. Работая в архивах, он выписывает имена всех погибших в этой местности воинов. В настоящее время Книга Памяти насчитывает 24 тысячи имен, в архиве Александра Ивановича – уже почти 30 тысяч.

¹ Экспозиция музея рассказывает о событиях 1941–1943 годов в районе населенных пунктов – правобережного поселка Невская Дубровка и села Московская Дубровка, существовавшего в те годы на левом берегу Невы.

8 сентября 1941 года немецкие войска пробившись к окраинам Ленинграда. Трехмиллионный Ленинград оказался отрезанным от страны. Оказавшись перед угрозой стратегического и политического поражения, правительство стало спешно принимать меры к тому, чтобы не допустить блокады Ленинграда.

В ночь с 19 на 20 сентября плацдарм в районе Московской Дубровки был у немцев отвоен. Здесь сложили головы тысячи солдат, а где-то в штабе, накрывая на карте плацдарм пятикопеечной монетой, его игриво назвали «Невским пятачком». Пополнение прибывало постоянно, через Невскую Дубровку по ночам в сторону переправы непрерывно шли войска. Получивших ранение пытались отправить обратно на правый берег, а погибшие оставались здесь же.

До наступления весны немцы уверенно сдерживали непрекращающиеся атаки наших войск, а как только Нева сломала лед, прервав сообщение между берегами, они уничтожили защитников плацдарма. 26 сентября 1942 года все повторилось: самоотверженный захват красноармейцами того же плацдарма и постоянная переправка пополнений на него. В 1943 году все-таки удалось оттеснить противника от Ладоги, положив еще тысячи советских солдат. 17 февраля противник начал отводить войска от «Пятачка».

В послевоенные годы официальные власти предпочитали не вспоминать о деталях тех событий. Даже не считали нужным похоронить погибших солдат, так и оставили в полях, окопах, воронках. И сейчас, спустя 70 лет, их непогребенные останки находятся здесь. (Информация с сайта музея: <http://npsmuzei.org/>).

Сколько таких мартирологов² существует теперь в России? Слава Богу, уже немало. Не все из них становятся Книгами Живой Памяти. Тот список, который создается в Невской Дубровке, оживает как минимум четыре раза в год – в День снятия блокады Ленинграда (27 января), в День Победы (9 мая), в день начала Великой Отечественной войны (22 июня) и в день проведения военной операции на Невском пятачке (в воскресенье, ближайшее к 19 сентября). В эти памятные даты в храме иконы Божией Матери «Взыскание погибших» о. Валериан Жиряков по окончании литургии служит панихиду, на которой произносятся имена, вписанные в Книгу Памяти. Конечно, одному священнику это невозможно сделать, поэтому вместе с ним по 11 книгам имена читают помощники – сам Александр Иванович, ветераны и члены поисковых отрядов.

Эти поисковики – члены «Межрегионального общественного фонда увековечения памяти погибших при защите Отечества» – трудятся в районе Невская Дубровка (ж/д ст. Теплобетонная) уже второй год: находят в лесу захоронения, проводят раскопки, устанавливают имена погибших по смертным медальонам и архивным материалам, находят родственников, хоронят останки. Создала и возглавляет фонд Валентина Боброва, удивительно добрый и теплый человек. Большинство поисковых экспедиций в Ленинградской области организует именно Фонд. На ст. Теплобетонной участниками являются как поисковые отряды из Санкт-Петербурга и Ленинградской области, входящие в эту организацию, так и поисковики из других областей (Екатеринбург, Иркутск, Оренбургская и Кировская области, Татарстан, Удмуртия, Латвия).

Александр Иванович на раскопки наведывается часто: кого нашли сегодня? Вот на солдатской алюминиевой ложке выцарапаны инициалы – посмотрю в списках, может, мой знакомый?

О. Валериан тоже приезжал на раскопки не раз. Перед началом работ он с поисковиками служит молебен «На всякое доброе дело», проводит с ними беседы, вместе и отпевают умерших после окончания поисковых работ. Сегодня

² Мартироло́г (тж. *мартироло́гий*; от греч. *μάρτυς* – свидетель; греч. *μάρτυριον* – доказательство) – список признанных мучеников, имена которых приводятся в календарном порядке в соответствии с датой их мученичества (то есть «днями рождения» к новой жизни).

В настоящее время слово «мартиролог» стало использоваться в более широком, переносном значении. В публицистике это слово часто используется для обозначения перечня лиц, подвергшихся преследованиям или страданиям, а также для перечня пережитых кем-либо страданий, фактов преследования и т.п.

Чтение мартиролога – одна из современных форм поминовения. Особенностью такой формы стало то, что в ней могут одновременно участвовать как верующие, так и неверующие люди, а также представители разных конфессий. В нашей стране традиционное чтение мартирологов происходит 30 октября – в День памяти жертв политических репрессий. О том, в каких городах чтение будет происходить в этом году, можно прочитать на сайте: <http://www.psmb.ru/>

Храм иконы Божией Матери «Взыскание погибших» в Невской Дубровке, где настоятелем о. Валериан

он приехал «поработать», потому что невозможно остаться в стороне. Говорят, что война не закончилась, пока не похоронен последний солдат. В нашей стране они не похоронены. Значит, война продолжается?

На раскопки нас везет командир поискового отряда «Невский пятак» Сергей Мельниченко: «С чего все начина-

лось? С любопытства, наверное. В Невской Дубровке живу с детства – о войне мы узнавали на улицах, в компании подростков – кто чего “откопал”... Сейчас к нам и из других городов приезжают. Сегодня прилетает группа старшеклассников из Иркутска – 10–11 классы. У нас на раскопках всякие случаи бывают: буквально на днях видим, что идет по лесу венок – это старушка веночек несет, а сама она и есть как веночек, такая маленькая. Оказалось, что она сама блокадница, а отец ее в этих местах погиб. Услышала, что здесь поисковики работают, и приехала из города, привезла веночек на могилу – он у нас сейчас на раскопках стоит, рядом с крестом. Крест этот не первый. В 60–90-е годы здесь работал лесником Владимир Иванович Тютин, он-то и встретил однажды в лесу компанию, разговорился – оказалось, приезжают на место гибели своего командира его бывшие однополчане, даже обелиск небольшой поставили. Рассказали ему про эти края, про историю боев... Владимир Иванович очень захотел помянуть погибших, но как? Даже прошение митрополиту посылал, чтобы часовню здесь соорудили. Но кто же часовню в лесу поставит, охранять ее нужно... И так он переживал, что сон ему приснился – он так по сну и зарисовал, а потом сам, на свои деньги, поставил семиметровый крест (крест сварен из довоенных рельсов, он был поставлен и освящен в 1990 году). Вот рядом с этим крестом на поляне мы и перезахоронили в прошлом году первых найденных погибших – первые 370 человек. А по документам их здесь около 3500...».

Мы – на огромной поляне. Она почти вся еще пуста – как будто подготовлена для будущего мемориала. Стоит крест лесника, обелиск однополчан, прошлогоднее захоронение... А этот памятник был поставлен лет десять назад туристами, которые сплавлялись по реке и за пару недель своего путешествия набрали косточек – они просто встречались им по пути, под ногами. И в конце путешествия, в том месте, куда приплыли, и поставили такой памятник – «Неизвестному солдату».

На этой огромной поляне, посреди леса, не растут деревья. Зато здесь растет земляника: везде, куда ни глянь – на поляне, в лесу, на раскопках, – яркие красные капли земляники, как капельки крови. Может быть, она растет именно для того, чтобы отмечать подобные места до тех пор, пока «война не закончится»?..

Сегодня на раскопках тихо. Иногда здесь больше народа, иногда – меньше. Люди приезжают в выходные дни или вечером после работы – это из ближайшей Невской Дубровки. Или партиями из других городов, в течение всего лета. Сейчас лагерь ждет новую «смену». А пока готовят участок: на «месте» (опытный поисковик заметит характерный провал в земле, который для обычного прохожего кажется просто неровностью) надо спилить деревья, потом выкорчевать пни – тяжелая мужская работа. Вооружившись топором и лопатой, о. Валериан включается в общий труд. «Мы любой помощи рады, – говорит поисковик Анатолий Кушнер, житель Невской Дубровки, который, приехав однажды помочь, так и остался в рядах поисковиков. – Приди, возьми лопату да копай. И многие приходят. В этом году дожди сильные, раскопки затопило, воду помпой откачивали. Мужик ехал мимо, спросил, что да как, – рассказали, кто мы, что дела-

ем, так он спрашивает, чем помочь. Через несколько дней приезжает экскаватор, прорыли канаву, трубу положили, дорожку щебенкой засыпали. Оказалось, это проезжал зам. директора Дубровского комбината Борис Вульфович Шапиро, он транспорт и предоставил. Мы счастливы – спрашиваем рабочих, как зовут вас? А они говорят – зачем вам знать, как нас зовут, главное, что трубу положили».

Отец Валериан рассказывает: «Каждую субботу в любую погоду мы с Александром Ивановичем идем служить панихиду на берег Невы. Там, где была самая главная переправа во все время Великой Отечественной войны, поставлены Поклонный крест и часовня. У этого креста и служим. Сколько полегло в этой воде людей – не знает никто. Каждый метр был пристрелен. Солдаты переплывали реку в лодках... добиралась одна из шести. На том берегу немцы ждали – ширина реки в этом месте метров 600, и бинокля не надо, чтобы наблюдать. Наши войска стояли по берегу еще на несколько километров³ – у них на глазах и погибали, постоянно. По воспоминаниям чудом уцелевших: никто не упрекнул – вот вы стояли, а мы погибали. Все понимали – приказ есть приказ, на смертный бой, так на смертный бой, кому как выпало. Но не только это – шли умирать “за други своя”. Разве это были неверующие, ведь полагали жизнь за ближних? По рассказам ветеранов, практически все они были крещеные и помнили, как до революции и в 20-е годы их, маленькими, водили в храм, где они причащались Святых Христовых Тайн. Так что была в этих людях жертвенность Христова. Потому и победили. То, что жертвы были огромные, – это правда. Победили духовные люди, которые умирали за Родину, за того, кого любили. Вот об этом и стараемся рассказывать, когда на экскурсии приезжают. Я верю, что павшие молятся за нас, а мы за них. Способны ли мы на такую любовь? Не знаю... У нас в Дубровке где ни копни – везде кости...».

В раскоп спускаюсь по деревянной лестнице. На земле на корточках сидит Анна Шабалина, а перед ней лежит человек (не хочется говорить «костяк» или «скелет»), потому что человек он и есть человек – был им когда-то, не перестает им быть и после смерти). Анна аккуратно лопаткой убирает в сторону землю, извлекает косточку за косточкой, бережно очищает – наверху косточки еще раз чистят и складывают в кучки ровными рядами на поляне, – наконец-то снова – люди достойно лежат на земле, по которой когда-то ходили.

«Вы знаете, есть противники подобных раскопок, – рассказывает Анна. – Говорят: эти мертвые лежат в земле, значит – уже похоронены, чего их тревожить? Поставить над могильником памятник – и все. Что я могу сказать? Придите и посмотрите, как они похоронены. Это не могила. Они были свалены в яму – чтобы по местности не распространилось заражение. Их волокли по земле, накинув на голову петлю из какой-то проволоки – потому что нести не было сил. Захоронение производилось похоронной командой в январе–марте 1943 года, когда наши части вели бои уже на левом берегу Невы. Похоронная команда обычно состояла из “нестроевых”, неспособных вести бой. Так вот, эти тела набросаны в яму и прикрыты землей – иногда земли на штык лопаты. Это – не могила. Так людей не хоронят... Мы очень

³ В том числе стояли заграничные НКВД, которые должны были стрелять в дезертиров.

О. Валериан и Александр Иванович

Анна Шабалина на этих раскопках не впервые

аккуратно все делаем, потому что может быть медальон, он в любом месте на теле может храниться – в сапоге, в кармане, где угодно. На днях нашли медальон, спрятанный во флакончик от губной помады...».

Если вдруг удастся разыскать медальон, его сразу отправляют в лабораторию при Национальной библиотеке (именно там работают лучшие специалисты по старой бу-

Поклонный крест на берегу Невы там, где была переправа, – место упокоения тысяч воинов

Кого не убергли эти каски?..

Один из стендов музея

маге), и если удастся установить имя погибшего, начинают искать родственников.

Но медальоны находят редко, да и читаются далеко не все. На 100 поднятых бойцов – один читаемый медальон. Здесь, на Теплобетонной, много медальонов. В прошлом году прочитали записки у каждого десятого. Но иногда медальоны находят слишком поздно: в медальоне – бумага, на которой каждый солдат сам должен был написать свое имя, возраст, часть. И бумага так часто мокнет, разрушает-

ся. А часто встречается чистая бумага, без записей⁴. После 1942 года медальоны перестали выдавать вообще, скорее всего – по причинам политическим: потери были огромными, их пытались скрыть: нет медальона – нет человека. Так в нашей стране появились миллионы “пропавших без вести”, миллионы безымянных. Если боец считался пропавшим без вести, то его семья пенсии не получала. Но это, оказывается, было еще не самым тяжелым для родственников погибшего.

«В моей семье, – продолжает Анна, – прадед пропал без вести. Но моя прабабушка это скрывала. Она сама мне рассказывала – мне было тогда десять лет, – что в деревне все говорили друг другу, что мужья, братья, отцы были убиты на войне, что пришла похоронка. Дело все в том, что у нас в стране пленных не было – были изменники родины. Если “пропал без вести” – значит, еще неизвестно, как погиб, и люди боялись говорить об этом. В прошлом году приехала дочь одного солдата из Белоруссии. Для нее обрести останки – это не просто узнать, как и где погиб отец, это восстановление его доброго имени, понимаете? Поэтому мы здесь. Копаем и знаем, что их здесь много, они лежат, лежат. Значит, мы будем приезжать сюда снова и снова. Среди поисковиков разные люди – разных национальностей, разных конфессий... Семьями приезжают, с детьми от трех лет. Дети в лагере остаются, а мама с папой копают. Рассказывают ли им, что мама с папой делают? Конечно, рассказывают. Война каждой семье коснулась – по вечерам мы делимся историями своих семей. А с ними – мы разговариваем. А как же? Копаешь – видишь, человек высокий, здоровый, или маленький, этот вот в валенках – они как бы предстают перед тобой, начинаешь разговаривать с ним, расспрашивать. Здесь все с ними разговаривают...».

Кто ты? Молодой или старый? Женатый? Отец, дед? Откуда ты? Как твое имя?..

Панихида по погибшим, поминальное чтение имен или такой вот разговор с неизвестным тебе, но неожиданно ставшим близким человеком, – все эти люди по-своему отдают долг памяти, потому что долг этот – не торжественные речи, салюты и георгиевские ленточки... Долг памяти – это наши дела, которые требуют и труда, и жертвенности, это пробуждение нашей человечности, это наша деятельная благодарность, а благодарность требует поступков.

Фото автора

Невский пяточок

⁴ Существует несколько взглядов на то, почему в медальонах находят чистую бумагу. Кто-то считает, что солдаты просто не писали на себя «смертные бумажки» – верили, что не напишешь, значит, не будешь убит. Другие – не соглашались с тем, что солдаты не заполняли медальоны из суеверия. Просто надпись, сделанная карандашом, сохраняется, а растительными чернилами – увя, нет. В захоронениях (как, например, в захоронении на Теплобетонной) практически у половины бойцов находят записки с биографическими данными, упакованные во всевозможные гильзы и даже хлорницу и губную помаду. Зачем они это делали? Люди хотели, чтобы их опознали! Медальоны отменили в ноябре 1942 года, взамен были выданы красноармейские книжки. К сожалению, документы очень редко удается прочитать, за 70 лет бумага чаще всего истлевает.

Ирина Монахова

«Вспыхнет померкнувшее... что освящено Самим Христом» Н.В. Гоголь о русской идее

Современному читателю Николай Васильевич Гоголь открывается как духовный писатель и религиозный мыслитель все больше. В частности, и такая важная тема русской философии, как русская идея, нашла у Гоголя своеобразное преломление.

Размышления о национальном характере русского народа и его предназначении составляют итог и своего рода вершину книги «Выбранные места из переписки с друзьями». По существу, Гоголь изложил здесь вкратце содержание русской идеи, которое созвучно тому, что писали в дальнейшем на эту тему выдающиеся русские философы. По Гоголю, путь к Христу – это одновременно и путь к преодолению непонимания, к примирению. Он мечтал, чтобы в Российском государстве была создана должность человека, который примиряет всех враждующих людей, имеющих разные убеждения и принадлежащих к разным сословиям и партиям. Более того, Гоголь сам хотел бы послужить на этой должности, зная о своей способности мирить совершенно разных людей. Он был уверен, что тем самым принесет большую пользу отечеству. Он писал об этом в «Авторской исповеди»:

«Мне казалось, что больше всего страдает всё на Руси от взаимных недоразумений, и что больше нам нужен всякий такой человек, который бы, при некотором познании души и сердца и при некотором знании вообще, проникнут был желаньем истинным мирить»¹.

Нравственное совершенствование, служение ближнему и путь к Богу – это для Гоголя, по существу, одно и то же. Таким образом, путь к Богу – это одновременно и возможность объединиться людям различных убеждений, воззрений и настроений. Фактически это путь к осуществлению извечной «витающей в воздухе» идеи – братства людей.

¹ Н.В. Гоголь. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. VIII. С. 460.

Размышления на эту тему составляют последнюю главу «Выбранных мест...», которая называется «Светлое Воскресенье». Способность достичь такого братства, пусть пока не реализованную, а большей частью потенциальную, Гоголь считает отличительной чертой русского человека. О его национальном характере Гоголь, в частности, писал:

«Есть много в коренной природе нашей, нами позабытой, близкого закону Христа, – доказательство тому уже то, что без меча пришел к нам Христос, и приготовленная земля сердец наших призывала сама собой Его слово, что есть уже начала братства Христова в самой нашей славянской природе, и побратанье людей было у нас родней даже и кровного братства»².

Так в религиозно-философских воззрениях Гоголя выразилась русская идея – мечта о братстве всех людей на религиозной основе. Вот что писал об этом Н.А. Бердяев:

«У него (Гоголя. – И.М.) была идея, что Россия призвана нести братство людям. Самое искание Царства Божьего на земле было русским исканием. С Гоголя начинается религиозно-нравственный характер русской литературы, ее мессианства. В этом большое значение Гоголя, помимо его значения как художника. У русских художников будет жажда перейти от творчества художественных произведений к творчеству совершенной жизни. Тема религиозно-метафизическая и религиозно-социальная мучит

² Н.В. Гоголь. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. VIII. С. 417.

Н.В. Гоголь. Гравюра по рисунку Э.А. Дмитриева-Мамонова. 1852

всех значительных русских писателей»³.

Наверное, в самой большой степени это относится к творчеству Ф.М. Достоевского. В частности, размышлениям о русской идее во многом посвящена его известная речь о Пушкине. Достоевский уверял, что «будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всеобъединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!»⁴.

Таким образом, в определении русской идеи он, по существу, был согласен с тем, что писал об этом Го-

³ Н.А. Бердяев. Русская идея. Судьба России. М., 2000. С. 72.

⁴ Ф.М. Достоевский. Собр. соч. М., 2004. Т. 9, кн. 2. С. 414.

голь в «Выбранных местах...». Подобно Гоголю, Достоевский связывал предназначение русского народа с сущностью национального характера: «Ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено»⁵.

Правда, идея братства и соборности является не только особенностью русского восприятия христианства, ее корни уходят гораздо глубже. Они находятся в самом начале христианской религии – в Евангелии. Христос призывает Своих учеников быть братьями («Не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель – Христос, все же вы – братья»⁶) и утверждает: «Если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного. Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»⁷.

Размышления о путях развития России, а значит, и о русской национальной идее, которая, безусловно, оказывает большое влияние на выбор одного из таких путей, стали одной из основных тем русской философии XIX и XX веков. И идеи Гоголя, высказанные в «Выбранных местах...», приобрели глубокое и даже пророческое значение. Как отмечал В.В. Зеньковский, «мечта Гоголя о преобразении жизни и людей есть ведь коренная мечта XIX и XX веков, – здесь Гоголь, идучи своим путем, касался самого основного вдохновения людей XIX и XX веков. Но именно потому темы Гоголя живы до сих пор как основные темы нашего времени. <...> В нем есть именно пророчество о том, как должно жить и действовать русским людям»⁸.

Например, И.А. Ильин считал одной из главных задач российского общества открыть «путь к исканию и нахождению новой справедливости и настоящего русского братства»⁹. Основной смысл русской идеи Ильин, как и Гоголь, непосредственно связывал с христианством, а путь к ее осуществлению – с будущим. Он писал:

⁵ Ф.М. Достоевский. Собр. соч. М., 2004. Т. 9, кн. 2. С. 414.

⁶ Мф. 23:8.

⁷ Мф. 18:19, 20.

⁸ В.В. Зеньковский. Русские мыслители и Европа. М., 1997. С. 263–264.

⁹ И.А. Ильин. Собр. соч. М., 1993. Т. 2, кн. 1. С. 431.

«Ее (русской идеи. – И.М.) возраст есть возраст самой России. А если мы обратимся к ее религиозному источнику, то мы увидим, что это есть идея православного христианства. Россия восприняла свое национальное задание тысячу лет тому назад от христианства: осуществить свою национальную земную культуру, проникнутую христианским духом любви и созерцания, свободы и предметности. Этой идее будет верна и грядущая Россия»¹⁰.

«Выбранные места из переписки с друзьями» потому оказали большое влияние и на литературу, и на философию, что они стали не просто рассуждением на религиозно-нравственную тему, а, по существу, проповедью – христианской проповедью в форме литературного произведения. Поэтому в нем и содержалась столь большая сила воздействия. Гоголь в «Выбранных местах...» ставил перед собой, помимо задачи религиозно-философского осознания современной ему российской действительности, еще и другую, главную, – преобразование ее в духе христианства. Это для него представлялось основой, на которой возможно, как следствие, движение к воплощению русской идеи – всеобщего братства.

Гоголь в своих философских размышлениях выступает с весьма практических позиций, показывая, как каждый человек на своем месте может с любого момента начать совершенствовать жизнь свою и своего ближайшего окружения, а значит, в какой-то степени и всего общества. И при этом он всегда подчеркивает, что если ничего не делать в этом направлении, то это грозит тяжелыми последствиями. Апокалиптические настроения проходят красной нитью сквозь эту книгу. Они же, собственно, являются и причиной ее создания.

Гоголь и в «Выбранных местах...» остается реалистом, как и в своих художественных произведениях. Его размышления о состоянии российского общества с нравственной точки зрения и о его пути к осуществлению своих идеалов не абстрактны, а привязаны к реальности. Гоголь совершенно четко осознавал и подчеркивал, что нет другого пути к совершенствованию внеш-

¹⁰ И.А. Ильин. Собр. соч. М., 1993. Т. 2, кн. 1. С. 431.

них форм жизни общества, как только внутреннее преобразование человека. Это такое своего рода «практическое христианство», по определению В.В. Зеньковского. Оно является отличительной чертой гоголевской религиозной философии. И Гоголь здесь явно выходит за рамки национальных особенностей восприятия религии. Хотя он много пишет и о православной церкви, которую русское общество должно лучше узнать и стремиться к ней. Однако проповедуемое Гоголем христианство не имеет какого-либо национального уклона или оттенка. Сущность его проста – «призвать Христа к себе в дома». Это проповедь христианства в его, так сказать, первоначальном виде.

В этом ее простота, в этом и ее сложность. Ведь она говорит не только о том, как красив и величествен русский идеал – братство всех людей, – но и о том, как велика и трудна к нему дорога – воплощение христианских заповедей в жизнь. Вот почему патетический настрой, свойственный «Выбранным местам...», как и всякой проповеди, соседствует с апокалиптическими настроениями, предчувствием надвигающейся грозы.

Глава «Светлое Воскресенье», где идет речь о предназначении русско-

Первое издание. 1847. Титульный лист

го народа и, по существу, о русской идее, – самая контрастная в книге. Здесь соседствуют особо мрачные настроения и особо светлые. Размышляя о человеке XIX века и его нравственном состоянии, Гоголь приходит к такому неутешительному выводу:

«Непонятной тоской уже загорелась земля; черствей и черствей становится жизнь: всё мельчает и мелеет, и возрастает только в виду всех один исполинский образ скуки, достигая с каждым днем неизмеримейшего роста. Всё глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится в Твоем мире!»¹¹.

А пытаясь заглянуть в будущее, он, тем не менее, восклицает:

«Не умрет из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено Самим Христом. Разнесется звонкими струнами поэтов, развозвестится благоухающими устами святителей, вспыхнет померкнувшее – и праздник Светлого Воскресенья воспряднует, как следует, прежде у нас, чем у других народов!»¹².

Почему же разговор на столь светлую тему – о стремлении русского человека к всеобщему братству – столь контрастен? Потому что слишком большое расстояние отделяет весьма высокую идею от того, что до сих пор достигалось в реальности. Гоголь видит в России потенциальные возможности прежде других стран прийти к осуществлению христианского идеала братской любви. И в то же время он замечает:

«Лучше ли мы других народов? Ближе ли жизнью ко Христу, чем они? Никого мы не лучше, а жизнь еще неустроенней и беспорядочней всех их. “Хуже мы всех прочих” – вот что мы должны всегда говорить о себе»¹³.

¹¹ Н.В. Гоголь. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. VIII. С. 416.

¹² Н.В. Гоголь. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. VIII. С. 417.

¹³ Н.В. Гоголь. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. VIII. С. 417.

Необходимо заметить еще и то, что сама книга «Выбранные места из переписки с друзьями» не появилась бы, если бы не было огромного расстояния, отделявшего высокие христианские идеалы от реального нравственного состояния российского общества. Собственно,

Н.В. Гоголь. С дагерротипа. 1845

это вопиющее несоответствие и подвигло Гоголя выступить всенародно с христианской проповедью в виде литературного произведения.

На этом примере видно, что односложное определение русской идеи как «стремление к всеобщему братству» явно недостаточно. Так можно определить только самую ее сущность, глубокую сердцевину. Вряд ли ей можно дать полное, исчерпывающее определение и объяснение. Это все равно, что ограничить живое явление рамками некой заданной схемы.

Например, Достоевский в «Дневнике писателя» говорил о сущности русской идеи так: «Народ русский в огромном большинстве своем – православлен и живет идеей православия в полноте, хотя и не разумеет эту идею ответчиво и научно»¹⁴. И это звучит довольно убедительно.

Но когда он попытался конкретизировать эту мысль и связать ее с историческим контекстом своего времени, то получилось нечто очень далекое от действительности. Противопоставляя общественные настроения русского общества западному увлечению социалистическими идеями, он утверждал: «Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов *всесветным единением во имя Христово*. Вот наш русский социализм!»¹⁵.

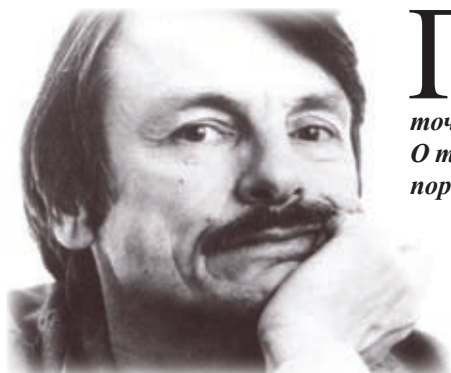
Как показало дальнейшее развитие событий, именно в России и нашел воплощение тот самый социализм «в механических формах», который, по мнению Достоевского, был чужд русскому народу. Таким образом, конкретный политический прогноз на основе убедительного определения русской идеи оказался неточным.

Хотя эта идея «носится в воздухе» и в какой-то степени осознается людьми, но дать ей исчерпывающее истолкование невозможно, так как продолжает совершаться судьба народа, на основе которой и можно делать вывод о содержании национальной идеи. Даже четко понимая сущность этой идеи, невозможно представить ее полностью – как некую вполне определенную законченную вещь. Наверное, только исторический опыт может постоянно вносить дополнения и исправления в общую картину такого явления, как русская идея.

¹⁴ Ф.М. Достоевский. Собр. соч. М., 2004. Т. 9, кн. 2. С. 460.

¹⁵ Ф.М. Достоевский. Собр. соч. М., 2004. Т. 9, кн. 2. С. 461.

Поиск смысла жизни и фильмы Андрея Тарковского

Самый близкий и понятный русскому (советскому) человеку фильм Андрея Тарковского – «Зеркало». Это какая-то «неупиваемая» чаша раздумий и переживаний. Можно черпать и черпать из этой картины мысли и образы, запечатлевшие внутренние импульсы исторического времени и ассоциации памяти нескольких поколений людей.

Постигать планету «Тарковский» – задача не из легких. Кажется, слова Андрея Арсеньевича «Когда мы в чем-то идеализируем личность, мы основываемся на том лучшем, что есть в нас» это хорошая отправная точка при исследовании творчества любого из гениев. А Тарковский был гением. О том, чем дорого творчество Тарковского нам, живущим в XXI веке, и хотелось бы поразмыслить мне в своем эссе.

В этом фильме только мгновение проходит документальная хроника трагедий XX века. Но в долгом молчании старого дома в сторожке лесной тишине в глубине России запечатлелись и мировые катастрофы века, и личные драмы, не придуманные, а пережитые режиссером. Основную же мысль фильма Тарковский выражает словами А.С. Пушкина из его известного письма П. Чаадаеву от 19 октября 1836 года, которое читает герой фильма Игнат: «...Но у нас было свое особое предназначение... я далеко не вос-

торгаюсь всем, что вижу вокруг себя. Как литератора, меня раздражает, как человек с предрассудками, я оскорблен, но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, как нам Бог ее дал».

Тарковский перелагает на киноплёнку не «шаблонное и бездушное конструирование фальшивой жизни во имя игры в киновыразительность», как он сам пишет в своей книге «Запечатленное время», а наблюдения и

ВЕХИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

4 апреля 1932. Родился в селе Завражье Ивановской области, в семье Марии Ивановны Вишняковой и известного русского поэта Арсения Александровича Тарковского.

1951–1952. Учеба на арабском отделении ближневосточного факультета Московского института востоковедения.

1952–1953. Работа во ВНИИ цветных металлов и золота, в геологических партиях.

1954–1960. Учеба на режиссерском факультете ВГИКа, мастерская Михаила Ромма.

1961. Главный приз Нью-Йоркского фестиваля студенческих фильмов за дипломную работу «Каток и скрипка».

1961. Начало работы на киностудии «Мосфильм». Был автором и соавтором сценариев «Антарктида – далекая страна», «Один шанс из тысячи», «Гофманиана», «Берегись! Змей!», снялся в фильмах «Мне 20 лет», «Сергей Лазо».

1962. Первый полнометражный фильм «Иваново детство», поставленный по мотивам рассказа Владимира Богомолова «Иван». Удостоен многих престижных кинематографических премий, в том числе и «Золотого льва святого Марка» Венецианского фестиваля.

1971. Фильм «Андрей Рублев». Включен в число 100 лучших фильмов в истории кино.

1972. Фильм «Солярис» по мотивам одноименного романа Станислава Лема. Гран-при Каннского кинофестиваля.

1972. Успешная постановка спектакля «Гамлет» в Московском государственном театре имени Ленинского комсомола.

1974. Автобиографическая картина «Зеркало». Приз «Давид ди Донателло» за лучший иностранный фильм, показанный в Италии (1980).

1979. Фильм «Сталкер» по мотивам романа братьев Стругацких «Пикник на обочине». Приз Международного жюри на XXXIII МКФ в Каннах (1980).

1982. Поездка в Италию для работы над фильмом «Ностальгия» – о русском поэте, умершем в этой стране.

1983. Постановка пушкинского «Бориса Годунова» в Лондоне на сцене «Ковент-Гарден».

1984. После отказа советских властей продлить пребывание за границей принимает решение не возвращаться на родину.

1986. Неизлечимо больной, завершает последний фильм «Жертвоприношение», работа над которым шла в Швеции. «Специальный приз жюри» на МККФ в Каннах.

29 декабря 1986. Умер в Париже от рака легких. Похоронен на кладбище в предместье Парижа – Сент-Женевьев-де-Буа.

1990. Ленинская премия (посмертно).

переживания своего внимательного сердца.

Как истинный художник, Тарковский понимал предназначение искусства: объяснить, для чего живет человек. Особенно, если он живет в официально безбожное время. Это объяснение присутствует в каждом его фильме.

Фильм Тарковского «Андрей Рублев», работа над которым шла с 1966 по 1971 год, для тысяч наших соотечественников старшего поколения стал духовным откровением, всколыхнул историческую память и послужил примером того, как можно и нужно отстаивать свои жизненные и мировоззренческие позиции в любое время и при любой власти.

Да, возможно, Русь времен Андрея Рублева показана Тарковским слишком мрачно, но на тот момент такой работы не сделал никто, кроме него.

Зачем живет человек? – этим вопросом Тарковский мучил и мучает своего зрителя разных возрастов, вне национальности и вероисповедания. «Человек существует для того, чтобы создавать произведения искусства», – звучит в фильме Тарковского «Сталкер». «Истинное зло нашего мира состоит в том, что не осталось больше великих учителей. Мы должны вслушиваться в голоса, которые лишь кажутся нам бесполезными. Нужно, чтобы наш мозг, загаженный канализацией, школьной рутинной, страховкой, снова отозвался на гудение насекомых. Надо чтобы наши глаза, уши, все мы пропитались тем, что лежит у истоков великой мечты...» – кричит герой фильма «Ностальгия». Разве эти голоса не вторят евангельской истине: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6:33). Таким образом, все картины Андрея Тарковского невольно настраивают на духовные размышления. В конце жизни режиссер запишет в своем дневнике: «Образ – это впечатление от Истины, на которую Господь позволил взглянуть нам нашими слепыми глазами... Великое счастье – ощущать присутствии Господа».

* * *

В прошедший 2012 год – юбилейный год Андрея Тарковского (1932–1986) – о нем вышло много материалов разного характера. Много серьезных исследований творчества, но случилось видеть и материалы, ворошащие его личную жизнь. Та бытовая сторона жизни, на которую падает чрезмерное внимание многих исследователей творчества режиссера, отнюдь не показатель его нравственных идеалов и качества его творений. Нам важно не знание того, что Андрей Тарковский безошибочно прожил свою жизнь, – важен его вечный – до смерти – поиск идеала и самоотверженность в этом поиске.

В душе Андрея Тарковского был слом. Так в детстве подействовала на него драма расставания его родителей. Щемящее желание опереться на крепкую руку отца осталось в нем на всю жизнь. (Сцена встречи детей с отцом, роль которого играл Олег Янковский, в фильме «Зеркало», – одна из самых значимых и горестных). Из этой драмы, как из расщелины, в судьбе гения пробился свет, который высвечивает многое в его творчестве. До последнего его фильма «Жертвоприношение», где отец и сын – вместе.

Будто об Андрее Тарковском написал его современник, далекий от него по душевному складу, поэт Владимир Соколов:

*Люди, обделенные любовью,
Даже и не знаю, почему,
Больше всех мечтают к изголовью,
Красота, прижаться твоему.*

*Молчуны. Других перебивая,
Не умеют жарко говорить.
В них душа растет, не убывая,
Как цветы, что некому дарить.*
(1972)

Так душа Тарковского «росла, не убывая» в его творениях, которые по истине – красота. В каждом его фильме «во главе угла» присутствует икона или картина: «Апокалипсис» Дюрера в «Ивановом детстве», фрески и иконы А. Рублева, Леонардо да Винчи в «Зеркале» и «Жертвоприношении», «Мадонна де Парто» в «Ностальгии».

А сколько оригинальной музыки композиторов Вячеслава Овчинникова и Эдуарда Артемьева звучит в каждом фильме Тарковского!

Андрея Тарковского Господь наделил многими дарованиями. Он легко выучился игре на фортепиано, прекрасно знал мировую классическую музыку (мама Андрея Мария Ивановна последние копейки тратила, приобретая детям абонементы в консерваторию). Детские акварельные пейзажи и карандашные зарисовки Тарковского поражают своей философской глубиной. Михаил Ромм, к которому Тарковский пришел на режиссерское отделение ВГИКа, отмечал, что никто из его студентов не был настолько начитанным и всезнающим. Статьи Тарковского по исследованию искусства, над которыми он работал в течение всей жизни, ценны своей лаконичностью и глубиной.

Говоря же о фильмах Тарковского, нельзя не заметить, что он едва ли не единственный режиссер советского времени, который заставил своего зрителя отойти от шаблонного видения окружающего мира, потряс души, вынудил думать.

В фильмах Тарковского пленяет их поэтичность, метафоричность, образность. Для Тарковского поэзия (поэзия его фильмов) была философией, убеждением, образом жизни, воздухом, которым дышал он и окружающие его люди. Он был не один в своем понимании творчества. Примеры такого служения искусству он видел в судьбах Александра Грина, Винсента Ван Гога, Осипа Мандельштама, Бориса Пастернака, Чарли Чаплина, Александра Довженко и Михаила Пришвина. Для Тарковского эти художники были не просто «исследователями жизни», но – «созидателями высоких духовных ценностей и той особой красоты, которая подвластна только поэзии».

Поэзия давала Тарковскому свободу, которой его лишала жизнь в рамках политического строя. «Если художник внутренне свободен, у него есть тысяча способов видеть, слышать и чувствовать мир», – пишет Шавкат Абдусаламов в своей статье об Андрее Тарковском. (Думаю, он глубже всех

«Жертвоприношение»

«Ностальгия»

«Иваново детство»

«Андрей Рублев»

современников Андрея Арсеньевича понимал его.) «Перегибы» советского строя мешали художнику творить в полную силу. «Неужели опять сидеть годы и ждать, когда кто-то соизволит выпустить картину? – писал Андрей Арсеньевич в своем «Мартирологе» 23 февраля 1972 года. – Что же это за поразительная страна, которая не хочет ни побед на международной арене нашего искусства, ни новых хороших фильмов и книг? Настоящее искусство их пугает. Это, конечно, естественно; искусство, без сомнения, противопоставлено им, ибо оно – гуманно, а их назначение – давить все живое, все ростки гуманизма, будь то стремление человека к свободе или появление на нашем тусклом горизонте явлений искусства. Они не успокоятся до тех пор, пока не уничтожат все признаки самостоятельности и не превратят личность в скотину. Этим они погубят все – и себя, и Россию».

Через двадцать лет это размывание подлинной культуры не только разрушит достижения советского искусства, в том числе и кинематографа, но и будет грозить гибелью всему государству. Тарковский предупреждал и о той опасности, которую несет вторжение в культуру, в кинематограф рыночных отношений. Он видел это на Западе и всячески этому противостоял.

Сегодня сквозь безвкусицу низкопробных сериалов молодому поколению все труднее и труднее постигать высокое искусство кинематографа Тарковского, прислушиваться к утонченной музыке его фильмов, вдумываться в длинноты кадров, слушать поэзию, которой пронизаны киноработы выдающегося режиссера, сына гениального поэта Арсения Тарковского.

Но это сокровище оставлено нам. И мы в ответственности за то, как им распорядимся. «...В оценке поздней оправдан будет каждый час», – звучит ахматовская строка. К слову сказать, драматург и сценарист Александр Мишарин, с которым Андрей Арсеньевич создавал сценарий к фильму «Зеркало», писал: «Я знал трех гениев XX века: Ахматову, Шостаковича и Тарковского».

* * *

Мне вспоминается неожиданная и трогательная встреча с Мариной Арсеньевной Тарковской – в Юрьевце. В день 80-летия Андрея Тарковского мы с сестрой режиссера оказались вместе в старинном храме возле дома, где прошли детские годы – годы эвакуации – Андрея и Марины. Из этого дома, от этих высоких белокаменных стен часовен потянулись нити лейтмотивов всех фильмов Андрея Тарковского. До конца – до его предсмертного признания: «Боже! Чувствую приближение Твое. Чувствую руку Твою на затылке моем. Потому что хочу видеть Твой мир, каким Ты его создал, и Людей Твоих, какими Ты стараешься сделать их. Люблю Тебя, Господи, и ничего не хочу от Тебя больше. Принимаю все Твое, и только тяжесть злобы моей, грехов моих, темнота низменной души моей не дают мне быть достойным рабом Твоим, Господи! Помоги, Господи, и прости!».

Для меня важно в творчестве Андрея Тарковского то, что он все заграничное, всю итальянскую красоту, которую так любил, всю немецкую музыку, которую боготворил, переплавлял в русское. И делал это интуитивно, из глубокого чувства любви к матери, к дому, к своему народу, если угодно.

Когда я заканчивала работу над сборником статей о Тарковском, издание которого затянулось уже на два года, мне довелось остановиться в одном доме подо Ржевом, чтобы начать работу над другим материалом. Дом был давно оставлен своими хозяевами, а новые владельцы держали его для постояльцев. Когда я вошла в него, первое, что заметила, – зеркало, такое, как в доме Андрея Тарковского в Юрьевце. В него, в это материнское зеркало, с отраженным в нем домом, великий русский режиссер глядел сквозь сон и морок своей бесприютной жизни.

ЧТО СМОТРЕТЬ
У ТАРКОВСКОГО

Всё!

«Сталкер»

«Ностальгия»

«Солярис»

«Андрей Рублев»

Подготовил Дмитрий Шеваров

Жизнь и судьба Арсения Тарковского

Дневники. Воспоминания. Документы

Из воспоминаний поэта о детстве

От отца, матери, брата мне достался в наследство интерес к точным наукам и литературе. Я был воспитан в преклонении перед законами человечности, уважения к личности и достоинству людей. Я считаю, что самое главное в мире – это идея добра. Идея добра во всех ее воплощениях...

Детей надо очень баловать. Я думаю, это главное. У детей должно быть золотое детство. У меня оно было... Может быть, поэтому я так хорошо помню свое детство, – ведь главное в мире – это память добра. Меня очень любили. Мне на день рождения пекли воздушный пирог. Вы, наверное, даже не знаете, что это такое?..

Из рекомендации в Союз писателей СССР, написанной поэтом и переводчиком Марком Тарловским, 1940 год

«Поэт Арсений Александрович Тарковский является одним из немногих мастеров стиха, о котором мне на протяжении последних лет не приходилось слышать противоречивых мнений. Для всех, кто знает работы А. Тарковского, ясно, что это человек, в руки которого можно с полным спокойствием передать самую сложную, самую ответственную стихотворную работу. Я имею в виду стихотворный перевод. Но Арсений Тарковский – не только мастер стихотворного перевода, он поэт, и если бы он не был таковым, то он не был бы и таким значительным переводчиком. Он не известен широко как поэт оригинальный, и это объясняется тем, что он не печатал своих стихотворений. Он их пишет давно, пишет по сей день, и стихи эти, по-моему, замечательные. Он настолько строг к себе как оригинальный поэт, что все, что пишет, не считает нужным печатать...».

Марина Тарковская, дочь поэта

Что касается Арсения Александровича, моего папы, то понятие «интеллигент» для него не подходит. Он был скорее аристократ духа, хотя по происхождению – из мелких безземельных дворян. Но и семейное воспитание, и

внутреннее содержание, видимо, сделали свое дело. Папа, прежде всего, отличался глубочайшей порядочностью и презрением к пошлости и подхалимажу. Что ему стоило написать одно стихотворение о партии и Сталине? И он был бы в полном порядке – издавались бы его книги. Но папа же не зашагал по этой накаганной дороге!

Он пошел на фронт, хотя мог спокойно остаться в тылу, потому что у него была бронь, да и по медицинским параметрам он не подходил к воинской службе. Будучи в Москве, уже готовился встать в ополчение, а потом увез мать в Чистополь и уже оттуда добивался, чтобы его отправили на фронт. Поскольку он состоял в Союзе писателей, его откомандировали во фронтовую печать, потому что там он был нужнее. Фронтовая печать играла огромную роль для поднятия духа солдат.

Из дневника Даниила Фибиха, военного корреспондента газеты 53-й армии «Родина зовет»

«9 января 1942. Тарковский – тонкий, черноволосый, красивый, – хороший одухотворенный поэт и очень привлекательный человек. Приятно было встретить, и еще приятнее было бы вместе работать.»

10 января. Тарковский вчера уехал в свою 16-ю армию...».

Марина Тарковская, дочь поэта

Папа получил орден Красной Звезды за боевой подвиг – взятие «высотки». На Брянском фронте в районе Городка отец был ранен и потерял ногу. Это случилось 13 ноября 1943 года. Он перенес несколько ампутаций. В тяжелейших условиях полевых госпиталей невозможно было справиться с газовой гангреной. Благодаря энергии Антонины Александровны, помощи писателей, в частности Виктора Шкловского, папу удалось перевезти из калининского госпиталя, где раненные лежали на соломе, в Москву. Сам Вишневский произвел последнюю ампутацию и тем спас отца. Когда мы с Андреем впервые увидели отца без ноги, то испытали ужасную боль за него. Отец сам тяжело пережи-

В начале пути

вал свою беду. Он ведь всегда был как пружина. А тут эта невыносимая инвалидность.

Из письма к сыну Андрею от 7 июля 1950 года

«...У меня тогда... было нечто, что меня спасало и было моей верной путеводной звездой: неукротимая страсть к поэзии; я во всем был подобен тебе, так же легкомыслен и так же подчинялся обстоятельствам и плыл по течению, во всем, кроме поэзии... А теперь – о твоей влюбленности. То, что я тебе напишу, – безусловно верно, если допустить, что мы с тобой устроены одинаково, а это так во многом, мы ведь очень похожи по душевному строю. У нас (у меня, я предполагаю, что и у тебя) есть склонность бросаться стремглав в любую пропасть, если она чуть потянет и если она задрапирована хоть немного чем-нибудь, что нас привлекает. Мы перестаем думать о чем-нибудь другом, и наше поле зрения суживается настолько, что мы больше ничего, кроме колодца, в который нам хочется броситься, не видим... Не надо, чтобы любовь тебя делала тряпкой и еще более – слабым листком, уж совсем неспособным к сопротивлению. Любовь – великая сила и великий орга-

низатор юношеских сил; не надо превращать любовь в страсть, в бешенство, в самозабвение, я буду счастлив, если твоя влюбленность окажется любовью, а не чумой, опустошающей душу...».

Андрей Тарковский об отце

Получилось так, что, по существу, меня воспитывала мать. Отец с ней расстался, когда мне было три года. Он скорее на меня действовал в каком-то биологическом, подсознательном смысле. Хотя я далеко не поклонник Фрейда или даже Юнга... Отец имел на меня какое-то внутреннее влияние...

Из интервью, данного Арсением Тарковским М. Аристовой, 1982 год

Страдание – постоянный спутник жизни. Полностью счастлив я был лишь в детстве. Но существует какой-то странный способ аккумуляции сил перед достижением большой высоты. Я не скажу, как это делается: то ли надо внушать себе, то ли учиться себя видеть, но полностью счастливый человек, наверное, не может писать стихи... Знаете, это как в любви. Меня всегда привлекают несчастные Любви, не знаю, почему... Я очень любил в детстве Тристана и Изольду. Такая трагическая любовь, чистота и наивность, уж очень все это прелестно!.. Неразделенная, несчастная любовь не так эгоистична, как счастливая; это – жертвенная любовь. Нам так дороги воспоминания об утраченной любви, о том, что было дорого когда-то, потому что всякая любовь оказывает влияние на человека, потому что в конце концов оказывается, что и в этом была заключена какая-то порция добра. Надо ли стараться забыть несчастную любовь? Нет, нет... Это мучение – вспоминать, но оно делает человека добрей...

Поэт Лариса Миллер

Я часто думаю, как бы Арсений Александрович себя чувствовал в наши дни. Наверное, ему было бы не очень весело наблюдать, как даже те, от кого зависит уровень культуры, играют в поддавки и на понижение. Тарковский и сегодня бы оставался самим собой, жил бы по собственным, не зависящим от конъюнктуры, правилам. Его шкала ценностей осталась бы неизменной.

...И еще один урок, необходимый нам сегодня в эпоху тотального духов-

ного стриптиза, цинизма и непрошенной откровенности: благородство и целомудрие. Не помню, чтоб он когда-нибудь обсуждал свою личную жизнь, своих жен, свои романы. Я знала, что он был знаком с Цветаевой, и спрашивала его о ней. Он рассказывал о ее стремительной походке, резковатых движениях, о том, как легко она взлетала по лестнице. Но ни словом не обмолвился о том, что Цветаева была увлечена им и посвятила ему стихотворение.

Александр Кривомазов. Из рассказа «Последняя просьба»

Приехал в Матвеевское. Меня узнает в лицо вахтерша и говорит: «Арсений Александрович в парке на скамейке...». Иду в парк и нахожу его на залитой нежарким осенним солнцем голубой скамье. У него страшно одинокий, запущенный вид. Вокруг него несколько пустых скамеек. А подальше – все скамейки заняты, на них обитатели Дома ветеранов кино сидят на солнышке втроем, вчетвером, впятером... Видно, они побаиваются общения с ним, считают его доходягой... а может быть, им просто страшно смотреть в его глаза?.. Он в сером плашике и синем берете, костыли лежат рядом, смотрит слезящимися глазами равнодушно и рассеянно. (Горничная довела, посадила, ушла... он сидит – и ничего не видит...).

Как его взбодрить?

– Греем перо, Арсений Александрович? Здравствуйте!

– А, вот и вы!.. Здравствуйте, Сашенька! Немного у меня... перьев осталось, да и недолго мне... их греть уже...

...Наклоняюсь поцеловать его и чувствую щекой и губами вместо привычной мягкой бархатистой кожи крепкие уколы давно небритой, крупной, как спичка, щетины...

Жуткий алый стыд заливает меня с ног до головы!!! Стыдно так, как не было никогда в жизни!!! Огромный комок в горле не позволяет ни вдохнуть, ни выдохнуть... Слезы брызжут из моих глаз, заливают очки, щеки, капают на его лицо... Наклонившись и прижавшись к его щеке, не могу разогнуться и стою так какое-то время, содрогаясь всем телом, опираясь на его слабые плечи...

– Что с вами, Сашенька? – тихо вопросительно и чуть-чуть отстраненно спрашивает он. По тому, что его голова и плечи начинают заметно вздрагивать,

понимаю: он тоже плачет. Делаю сверхусилие, и мы расцепляемся.

– Мне бесконечно стыдно перед вами, Арсений Александрович! Мне безумно стыдно, что сделал для вас так мало, что в 100 раз слабее отвечал на вашу любовь и доброту ко мне, чем мог бы! Мне так жаль, что ничего нельзя вернуть и изменить! Мне стыдно, что вы сейчас небриты... Мы сейчас пойдем, и я все сделаю! Бога ради, простите меня, Арсений Александрович, – за все несделанное, непрочувствованное, не отданное вам, за всю ту боль, которую когда-нибудь вам причинил! Ведь на самом деле я люблю вас беспредельно и у меня нет никого, кому бы я мог это сказать...

Он слаб, говорит с трудом, но напрягается, и отчетливо вижу, что-то хочет мне сказать!

– Сашенька... я небрит... потому что Танюша неделю больна... и сейчас лежит в постели...

Он минуту молчит, набирается сил, потом тем же незнакомым мне голосом, со свистящим и скрипящим перемалываемым стеклом, взволнованно и моляще произносит:

– У меня к вам есть... своя просьба... легкая... пообещайте исполнить...

Фото А.Н. Кривомазова

– О чем говорим, Арсений Александрович! Если в моих силах, обязательно исполню!

– Я могу умереть теперь в любой день... Саша... так трудно... Сашенька... должен вам сказать... это так важно для меня... Вы должны понять... У нас же дружба!.. Вы еще так молоды... Бывайте у меня на могиле, Сашенька!.. Хоть изредка, но бывайте, не забывайте... Я сейчас несчастный, больной, одинокий старик... Я чувствую... я задержался... не знаю, зачем... Я знаю... я буду – камень на могиле... Приедете, коснитесь камня, поцелуйте его – мне от этого будет великое облегчение. В любой мороз... мой камень... для моего друга... будет теплым... А если после вашей смерти вы превратитесь в птицу – прилетайте... потрите клювом о

камень... и я вас пойму правильно! Так обещайте же!

– Обещаю, Арсений Александрович! Буду приходить, приезжать... прилетать... буду гладить и целовать ваш камень... Пока жив – вы всегда во мне, всегда живы, всегда буду вас любить и помнить... Мы же настоящие друзья – мы будем вместе всегда...

Сию рядом с ним, держу его ладони в своих, целую их. Мы тихонько сохнем (помогают солнце и слабый ветерок). Осмелевшие старики занимают близкие скамейки, изредка тревожно поглядывая на нас. Он не отнимает ладони, сурово и хмуро смотрит вперед, думая о своем... Что он видит сейчас? Телегу Мертвых? Белые слепые глаза Смерти? Свои похороны? Камень на могиле и наши встречи? Свою жизнь? Свои сти-

хи? Цветаеву? Заболоцкого? Ахматову? Лежащую в постели больную Татьяну Алексеевну? Своего гениального сына? Дочь? Внуков? Кого-то из своих врагов? Войну? Отнятую у него библиотеку и пластинки? Свою обожаемую мать? Своего отца? Украину? Туркменистан? Грузию? Дагестан? Свою первую любовь? Свою первую жену? Фильмы Андрея? Своих старых друзей-поэтов? Кого-то неизвестного мне? Город, в котором он родился и в котором прошло его детство? Свои несчастья? Свое одиночество?..

Я ни о чем не спрашиваю. Того, что он мне сказал сегодня, с избытком хватило бы на десяток наших встреч. Мне только нужно переварить все сказанное им, понять, поверить в этот прощальный дар... И, Боже мой, как же мне перед ним стыдно!!!

ВЕХИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

1907, 12 (25) июня. Родился в Елисаветграде Херсонской губернии (ныне Кировоград). Отец – Александр Карлович Тарковский, служащий Общественного банка и внештатный журналист. Мать – Мария Даниловна, учительница.

1922. После окончания трудовой школы поступает в профтехническую школу.

1925. Москва. Учеба на Высших государственных литературных курсах при Всероссийском союзе поэтов.

1928. Женитьба на сокурснице Марии Ивановне Вишняковой; работа в газете «Гудок» фельетонистом и судебным очеркистом.

1931. Работа на Всесоюзном радио.

1932. Переезд в село Завражье; рождение сына Андрея.

1934. Рождение дочери Марины (во втором и третьем браках детей не было).

1940. Вступление в Союз писателей СССР; знакомство с М.И. Цветаевой.

1941, июнь. Просится добровольцем на фронт. Отказ по состоянию здоровья.

Декабрь. Добивается назначения в действующую армию.

1942. Военный корреспондент газеты 11-й армии «Боевая тревога». Участвует в боевых действиях. Публикация в газете поэмы-лубка о солдате Иване Хватове из села Солдатова.

1943. Награжден орденом Красной Звезды.

1943, 13 декабря. Тяжело ранен под г. Городок Витебской области. Ампутация правой ноги.

1944, февраль. Выписан из госпиталя, комиссован по ранению.

1945. Готовит книгу «Стихотворения разных лет». Союз писателей СССР рекомендует сборник к изданию.

1946. Знакомство с А. Ахматовой. Известное погромное постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». Выпуск книги Тарковского запрещен, матрицы уничтожены.

1962. Первая (спустя 26 лет!) книга – «Перед снегом». Ахматова о ней: «Самое поразительное то, что слова, которые мы как будто произносим каждую минуту, делаются неузнаваемыми, облеченными в тайну...».

1966. Москва. Выходит книга «Земле – земное».

1969. Москва. Книга «Вестник».

1978. Тбилиси. Книга «Волшебные горы».

1980. Выход книги «Зимний день».

1982. Москва. Книга стихов «Избранное».

1983. Москва. Книга «Стихи разных лет».

1987. Москва. Книги «От юности до старости» и «Быть самим собой».

1989. Ереван. Книга «Звезды над Арагацем».

1989, 27 мая. Скончался в больнице;

1 июня. После отпевания в храме Преображения Господня похоронен на кладбище в Переделкине. 82 года назад он был крещен также в Преображенском храме, только у себя на родине.

1990. Награжден Государственной премией СССР. Посмертно, как и его сын Андрей – Ленинской.

Арсений Тарковский

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Свеча

Мерцающая желтым язычком,
Свеча все больше оплывает.
Вот так и мы с тобой живем –
Душа горит и тело тает.
1926

Из «Чистопольской тетради»

Вложи мне в руку Николин образок,
Унеси меня на морской песок,
Покажи мне южный косою парусок.

Горше горького моя беда,
Слаще меда морская твоя вода.
Уведи меня отсюда навсегда.

Сонный осетр подо льдом стоит.
Пальцы мне ломает смертный стыд.
Нет на свете жестче прикамских
обид.

Я вошел бы в избу – нет сверчка в
уголке,
Я на лавку бы лег – нет иконки в
руке,
Я бы в Каму бросился, да лед на
реке.

11 ноября 1941

Конец навигации

В затонах остывают пароходы,
Чернильные загустевают воды,
Свинцовая темнеет белизна,
И если впрямь земля болеет нами,
То стала выздоравливать она –
Такие звезды плещут над снегами,
Такая наступила тишина,
И вот уже из ледяного плена
Едва звучит последняя сирена.
1957 г.

Шиповник

Т.О.Т.

Я завещаю вам шиповник,
Весь полный света, как фонарь,
Июньских бабочек письмовник,
Задворков праздничный словарь.

Едва калитку отворяли,
В его корзине сам собой,
Как струны в запертом рояле,
Гудел и звякал разноречью.

Там, по ступеням светотени,
Прямыми крыльями стуча,
Сновала радуга видений
И вдоль и поперек луча.

Был очевиден и понятен
Пространства замкнутого шар –
Сплетенье линий, лепет пятен,
Мельканье брачующихся пар.
1962

Памяти А.А. Ахматовой

Когда у Николы Морского
Лежала в цветах нищета,
Смирненное чуждое слово
Светилось темно и сурово
На воске державного рта.

Но смысл его был непонятен,
А если понять – не сберечь,
И был он, как небыль, невнятен
И разве что – в трепете пятен
Вокруг оплывающих свеч.

И тень бездомной гордыни
По черному Невскому льду,
По снежной Балтийской пустыне
И по Адриатике синей
Летела у всех на виду.
Апрель 1967

* * *

На пространство и время ладони
Мы наложим еще с высоты,
Но поймем, что в державной короне
Драгоценней звезда нищеты,
Нищеты, и тщеты, и заботы
О нерадостном хлебе своем,
И с чужими созвездьями счеты
На земле материнской сведем.
1968 г.

Феофан Грек

Когда я видел воплощенный гул
И меловые крылья оживали,
Открылось мне: я жизнь перешагнул,
А подвиг мой еще на перевале.

Мне должно завещание могил,
Зияющих, как ножевая рана,
Свести к библейской резкости белил
И подмастерьем стать у Феофана.

Я по когтям узнал его: он лев,
Он кость от кости собственной
пустыни,
И жажду я, и вижу сны, истлев
На раскаленных углях благостыни.

Я шесть веков дышу его огнем
И ревностью шести веков изранен.
– Придешь ли, милосердный
самарянин,
Повить меня твоим прохладным
льном?
1975–1976

Четвертая палата

Девочке в сером халате,
Аньке из детского дома,
В женской четвертой палате
Каждая малость знакома –

Кружка и запах лекарства,
Няньки дежурной указки
И тридевятое царство –
Пятна и трещины в краске.

Будто синица из клетки,
Глянет из-под одеяла:
Не просыпались соседки,
Утро еще не настало?

Востренький нос, восковые
Пальцы, льняная косица.
Мимо проходят живые.
– Что тебе, Анька?
– Не спится.

Ангел больничный за шторой
Светит одеждой туманной.
– Я за больной.
– За которой?
– Я за детдомовской Анной.

* * *

Просыпается тело,
Напрягается слух.
Ночь дошла до предела,
Крикнул третий петух.

Сел старик на кровати,
Заскрипела кровать.
Было так при Пилате,
Что теперь вспоминать?

И какая досада
Сердце точит с утра?
И на что это надо –
Горевать за Петра?

Кто всего мне дороже,
Всех желаннее мне?
В эту ночь – от кого же
Я оторкся во сне?

Крик идет петушиный
В первой утренней мгле
Через горы-долины
По широкой земле.
1976 г.

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно на сайтах

www.znamenie-hovrino.ru и pressa.ru

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата

(Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

Выписать журнал «ЛАМПАДА» можно
в любом отделении связи

На «ЛАМПАДУ» можно подписаться
и непосредственно в редакции

Подписные индексы:

43570 – в объединенном каталоге «Пресса
России»

16594 – в каталоге «Почта России»

Позвоните:

8 916 388 4188 или
8 926 105 105 4

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском парке (ул. Красноармейская, 2, стр. 2 г)

Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане (ул. Теплый стан, влад. 4, 6)

св. мц. Татианы при МГУ (ул. Б. Никитская, 1)

Воскресения Словущего на Успенском Вражке (Брюсов пер., 15/2)

Воскресения Христова в Сокольниках (Сокольническая пл., 6)

Всех Святых б. Ново-Алексеевского монастыря (2-й Красносельский пер., 7)

вмч. Георгия Победоносца в Коптеве (Б. Академическая ул., 33)

Иверской иконы Божией Матери на Всполье (ул. Б. Ордынка, 39)

иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воротами (1-й Колобовский пер., 1, стр. 2)

Новоспаский ставропигиальный мужской монастырь (Крестыанская пл., 10)

прп. Алексия, человека Божия (2-й Красносельский пер., д. 3)

Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском (ул. Крылатские Холмы, 43)

Троицы Живоначальной в Хорошеве (Карамышевская наб., 15)

Троицы Живоначальной в Хохлах (Хохловский пер., 12)

Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове (Борисовский пр., 15, стр. 4)

Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлово (Серебряный остров, д. 1, стр. 1)

Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище (ул. Советской Армии, 12, стр. 1, 2)

Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово (г. Долгопрудный, Парковая, 2)

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь (ул. Б. Лубянка, 19)

Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском (ул. Церковная Горка, 26а)

Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке (Газетный пер., 15)

царевича Димитрия при Голицынской (1-й Градской) больнице (Ленинский просп., 8, корп. 5)

Троицы Живоначальной в Останкине (1-я Останкинская ул., 7, стр. 2)

свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной (Н. Басманная, 11)

апостола Иоанна Богослова (Богословский пер., 4)

свт. Климента, папы Римского (ул. Пятницкая, 26/7)

Успения Божией Матери в Казачьей слободе (ул. Большая Полянка, 37)

Книжный магазин «Книжница» (Нижняя Радищевская ул., д. 2)

Храм Троицы Живоначальной в Троице-Лыкове (Одинцовская ул., 24)

Храм Новомучеников и исповедников Российских в Строгине (Строгинский бульвар, 14)

Храм Всех святых во Всехсвятском, (Ленинградский проспект, 73а)

Храм Всемилошного Спаса в Митине. Патриаршее подворье. (Пятницкое шоссе, вл. 5)

Храм Рождества Христова в селе Рождествено (Митино) (ул. 1-я Муравская, 39)

Храм Преображения Господня в Тушине (Волоколамское шоссе, 128)

Храм Иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине (Фестивальная ул., 6)

Храм прп. Сергия Радонежского в Бусинове (Ижорская ул., 1)

Храм в честь иконы Божией Матери «Отрада, или Утешение» на Ходынском поле (ул. Поликарпова, д. 16)

Храм Троицы Живоначальной при бывшей Черкасской богадельне, Патриаршее подворье (Ленинградский просп., д. 16, стр. 1)

Храм прп. Алексия, человека Божия в Крылатском (Рублевское шоссе, вл. 54)

ISSN 2225-0271

9 772225 027100

Русская Православная Церковь

ISSN 2225-0271

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

№ 5 (92) 2013
сентябрь — октябрь

ДАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

Тема номера:
**ВОЗМОЖНО ЛИ
ИЗЖИТЬ ЗЛО?**

- Армянские корни русского полководца
- Отец, сын и дар Божий
- Гоголь и русская идея

